

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ЧЕЛОВЕК
БЕЗ ЛИЦА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Человек без лица

«Автор»

2006

Самаров С. В.

Человек без лица / С. В. Самаров — «Автор», 2006 — (Спецназ ГРУ)

Человека без документов, избитого до потери сознания, подобрали омоновцы и привезли в военный госпиталь Ханкалы. Обнаружив на его лице следы пластической операции, врач позвонил в ФСБ. Вот тут все и завертелось. Сначала госпиталь обстрелял снайпер, потом атаковали чеченские боевики. Но человеку удалось уйти живым и невредимым. Теперь на него объявлена охота. Ведь все уверены, что этот человек знает код доступа к банковской ячейке, в которой хранится тридцать миллионов долларов, похищенных из сейфа ООН. Группа особого назначения ГРУ под командой полковника Согрина тоже ищет беглеца, но с одной целью – использовать его как приманку, на которую клюнут террористы, засевшие в горах Чечни...

© Самаров С. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
ГЛАВА ПЕРВАЯ	14
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	34
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Самаров

Человек без лица

ПРОЛОГ

1

– В прошлом году, помню, посильнее снежок был, – хрипя простуженным горлом, сказал мордастый старший лейтенант и ударил о коленку шапкой, стряхивая снег. – Мокрющий, тяжеленный и с метелью. «Чехи»¹ ночью в прорыв ломанулись, им ветер в задницу, а нам в харю. Глаза откроешь – их тут же залепит. Не видишь, куда стреляешь. Так-то вот... Из-за этого и до «рукопашки» их допустили. Это я тогда три пальца на левой сломал. Навстречу звезданул, а у него, козла, нос на метр вперед рос. Так я этот нос через затылок ему выпустил. А сам без пальцев остался. Ладно хоть на левой...

– И что? Много положили? – затягиваясь сигаретой, зажатой в ладони, чтобы снегом ее не замочить, спросил капитан с длинными и белесыми, словно седыми, ресницами.

– Человек сорок... Два десятка прорвалось. Только за нами десантура на отдыхе стояла. Их вывезти должны были, да «шмели»² из-за погоды стали. И хорошо, что не вывезли. В бинокль картинкой любовались. С ПНВ.³ Как кино, когда пленка рвется. Окулярами трянешь, снег слетает. Глазей дальше... И этих, что прорвались, десантура положила. Хотя тоже чуть дело до рукопашки не дошло...

– Здесь не окопы. Здесь в прорыв идти некому.

Капитан щелчком отбросил окурок далеко на дорогу и резко обернулся, потому что мимо его уха с мокрым свистом пролетел снежок.

– Кому в глаз надо? – спросил он сердито под общий смех.

– Скажи спасибо, что не гранатой.

Настроение у всех приподнятое. Такой пустяк, как погода, в состоянии, оказывается, настроение поднять.

Это утро обернулось другой стороной, нежели минувший вечер, когда морозило, но предзимняя смерзшаяся земля лежала сухой, жесткой и колючей, по которой ходить-то, не спотыкаясь, было проблематично. Ночью пошел наконец-то снег, которого уже давно ждали – большими хлопьями, мягкий, и сразу показалось, что стало теплее. Ну если уж не теплее, то по крайней мере уютнее стало жить на настоящей зимней земле с настоящим снегом.

Жить на земле – это совсем не то, что жить в теплом доме со всемит удобствами и даже без удобств. Дощатый настил в палатке мало защищает от холода.

Блокпост, расположенный на перекрестке пяти дорог неподалеку от Грозного, обрадовался снегу не только потому, что он напоминает о среднерусской зиме. У омовцев, занявших здесь позицию, интерес сугубо практический. Снег, как книга. Он дает возможность читать следы. Да и движение на дороге соответствует погоде – не такое интенсивное, как обычно. Первый снег многих заставляет пять раз подумать, прежде чем выехать за ворота. Скользко, а пойдя, купи-ка сразу подходящую шипованную резину в современных полувоен-

¹ «Чехи» – жаргонное название чеченских боевиков.

² «Шмели» – вертолеты.

³ ПНВ – прибор ночного видения.

ных условиях... Только по надобности едут, а визит в гости откладывают до следующего раза, когда погода устоится и снежный наст станет привычным хотя бы для ног. Тогда покажется, что и колеса к нему попривыкли.

Сам блокпост сложен из мешков, засыпанных сырым песком, и потому скрепленных морозом, как зацементированных, – пуля порой отлетает рикошетом, омовцы сами проверяли. Из центральных амбразур торчат, с угрюмой насмешкой глядя на дорогу, стволы двух пулеметов. На других, укороченных по бокам амбразурах, как на полочках, лениво устроились автоматы. Но эта лень обманчива. Протяни только руку, и стреляй, если возникла такая необходимость. Но пока необходимости нет, автоматы отдыхают, как и люди.

Как и полагается каждому блокпосту, на верхней точке крыши – российский флаг. Сменный состав живет, естественно, не здесь, а в двух палатках, расположенных за другой стеной, сложенной из таких же мешков с песком. Там потеплее, чем на блокпосту. Не так много щелей, сквозь которые ветер выносит тепло от печки, да и дополнительная стена от ветра спасает больше, чем на блокпосту. Уголь для печек сложен здесь же, между палаток, большой кучей. Рядом ведро для угля, лом и лопата. Кто больше других замерзнет, тот и топит вне очереди свою палатку.

С другой стороны прикрывает палатки от ветра и от возможного обстрела омовский БТР...

Утром, как только рассвело, все омовцы вывалили на улицу – снегом полюбоваться. Соскучились. Те, что службу несли, тоже вышли – на товарищей посмотреть. Только один двинулся к шлагбауму. Со стороны города шел «уазик» зеленого цвета, но номер снегом так залепило, что не видно ни одного знака. Впрочем, в такую погоду омовцы к номеру придирались не собирались. Входят в понимание участии водителя – не будешь же через каждые сто метров останавливаться, и снег с номера счищать. Но «уазик» не стал подбегать к шлагбауму, а свернул к блокпосту, и это заставило омовцев среагировать по-своему. Сразу заняли боевое положение стволы пулеметов, и автоматы перешли из горизонтального положения в вертикальное.

Машина остановилась, открылась дверца. Высунулся, обнажив плечо с погоном, армейский старший прапорщик. Значит, машина все-таки военная.

– Привет, менты! – К армейским офицерам он, естественно, так вольно обратиться бы не посмел. К ментам может.

В ответ на вольность – вольность такая же.

– Привет... Какого тебе хрена надо?

А ни пулеметы, ни автоматы в сторону не отворачиваются. Смотрят черными отверстиями стволов без стеснения прямо на «уазик». Мало ли, кто прапорщиком вырядиться может. И даже старшим прапорщиком...

– Мне ничего не надо. Там, – старший прапорщик показал большим пальцем за спину, – мужик на дороге валяется. Живой... Чуть шевелится... Морда вся в крови. Одет легко. Похоже, из машины выбросили. Сгоняйте!

– Далеко?

– Метров триста будет.

– Вот, ни хрена себе, ближний путь. Что ж сразу не подобрал?

– А если там засада?

Такое уже не раз встречалось в армейской практике. Определяется идущий по дороге военный транспорт. Кто-то, чаще всего в военной же форме, валяется окровавленный на дороге. Машина останавливается, водитель и пассажиры выскакивают, чтобы помочь, и нарываються на автоматные очереди. В этом старший прапорщик прав, и обвинять его в равнодушии трудно.

– Отвези! – скомандовал капитан.

– Непонятливый ты. Я ж говорю, а вдруг там «чехи»...

– И что?

– У вас вон своя техника стоит, – кивнул старший прапорщик на БТР. – Ее очередь не пробьешь. А моя... – и он для наглядности постучал по брезентовому тенту.

– Нашу технику заводить до вечера, – ответил, морща широкую физиономию, старший лейтенант, который год назад сломал пальцы на левой руке, и счистил ногой снег с номера армейской машины. – Запиши номер... – сказал тому, что стоял у шлагбаума.

– Бывайте, – старший прапорщик не напугался того, что его номер записали, только усмехнулся и зло хлопнул дверцей. Впрочем, это омовцам могло показаться, что он хлопнул зло, а в самом деле просто дверца машины закрывалась с трудом. И поехал.

– Заводи свой трактор, – скомандовал капитан одному из омовцев. – Сгоняем посмотрим.

Это уже приказ, прозвучавший вполне серьезно и по-деловому. А после приказа снежками не бросаются. Омовец бегом направился к проходу в стене, над которой возвышалась серо-зеленая башня БТРа.

Рядом с операционной палатой гарнизонного госпиталя в Ханкале, на стандартной больницы низенькой скамейке для ожидающих, устроились двое. Первый, старший опер республиканского управления ФСБ подполковник Рамазан Хожаев. Рядом с ним вытянул ноги второй опер, прикомандированный из Москвы капитан Виктор Трапезников. Подполковник держится более сдержанно и сидит прямо. Капитан, как обычно бывает с прибывшими из головной организации, понимает, что эта сдержанность вызвана его присутствием, но сам чувствует себя вполне раскованно. Не видит причин чувствовать стеснение.

Дверь вскоре открылась, и вышел полковник медицинской службы, на ходу снимая белый халат, – заведующий хирургическим отделением.

– Это вы меня дожидаетесь? Который из вас следователь? – не глядя на вставших при его появлении офицеров, спросил полковник и махнул рукой кому-то в другой конец коридора, привлекая внимания и жестом прося подождать.

– Следователь, товарищ полковник, еще не приехал. У него выезд в район... Там серьезное происшествие. Как вернется, займется этим делом. Пока занимаемся мы... Что с раненым? Вы не будете сами оперировать?

– Вы считаете, что заведующий отделением оперирует всех подряд? – исподлобья глянул полковник и вздохнул: – Жестоко ошибаетесь. Я большей частью, к сожалению, администратор. А здесь, в Ханкале, – администратор трижды... Но я иногда оперирую... только самых тяжелых...

Обреченный вздох показал, что полковнику-хирургу не слишком нравится быть администратором, но он мирится с этим, потому что находится в Ханкале только в длительной командировке.

– А наш подопечный?

– Видимых травм у него нет. Просто основательно избит. И еще... Вам это будет интересно... Он недавно перенес операцию. Похоже, что пластическую. То есть сменил свою внешность. Шов один разошелся. Мы посмотрели, шов слишком интересный, скрытый. И не подумаешь, что это операционный шов. Естественно, проверили. Есть и другие характерные швы. Это как раз по вашей линии. Я попросил дежурного сообщить командованию. Так вы из прокуратуры или из ФСБ?

В Чечне и прокурорские работники, и сотрудники ФСБ ходят в одинаковой с войсковиками камуфлированной форме, чтобы не «светиться» издали. Только знаки различия в петлицах собственные. Но петлиц под халатами, как и погоны, не видно.

– Из ФСБ, – ответил капитан.

– Да, значит, это по вашей линии.

– Что он сам говорит? Что с ним случилось?

– Он ничего не говорит. Он почти без сознания. По крайней мере, на вопросы не отвечает, хотя реакция на боль положительная. Не пьян. Может быть, наркота. Но я не уверен. То есть зрачок расширяется. В наркотическом опьянении чаще всего этого не бывает. Хотя все зависит от вида наркотика... Некоторые сами зрачки расширяют... Впрочем, в этом вопросе я не специалист.

– Что такое «почти»? Я не понимаю такой формулировки, – недовольно сказал капитан.

– Я же говорю – я бы подумал, что он в наркотическом опьянении. Но гарантировать не могу. Внешний вид не говорит, что это наркоман. Слишком холеный. Кроме того, наркоманы пластические операции не делают. Их такие мелочи, как внешность, волнуют мало...

– Пусть так. Когда нам можно будет поговорить с ним?

– Только завтра. Сейчас его обработают, потом поставят укол, и до завтрашнего обеда проспит, голубчик, как убитый. Завтра подходите?

– Надо бы часового рядом с палатой поставить, – в раздумье сказал подполковник.

– Ни к чему. – Хирург усмехнулся. – После укола даже лунатики спят. У нас палата на восемь человек. Офицерская. В солдатской народу больше, и мы его в офицерскую. За ним присмотрят.

– Его разве не в послеоперационную?

– Что ему там делать? У него только побои. В общую... А завтра уже забирайте. Мы его сразу выпишем.

И, не обсуждая далее вопрос, полковник заспешил по коридору к человеку, который остановился по его знаку. Старший опер переглянулся с опером, оба синхронно пожали плечами и двинулись в сторону лестницы. Похоже, что им здесь в самом деле больше узнать нечего.

Это дело не привлекло к себе особого внимания. Человек без документов... Избит... Именно потому, что без документов, омовцы с блокпоста сразу позвонили, как и полагается, в ФСБ, и только после этого вызвали санитарную машину. Потом еще и из больницы звонили в прокуратуру. Но из прокуратуры тоже позвонили в ФСБ. Дело показалось не срочным, мелким, и всем хотелось его сбросить на работающие параллельно структуры... Тогда о пластической операции разговор не заходил. Теперь зашел, и...

Завтра, когда неизвестный проснется, можно будет все и проверить...

2

Пятиэтажный стандартный дом из силикатного кирпича отремонтировали совсем недавно. В Ханкале военных больше, чем гражданских, и здесь восстановительные работы идут быстрее, чем в других городах и районах Чечни. И значительная часть жильцов дома после ремонта сменилась. Кто-то уехал насовсем – одни подальше от Кавказа, Россия-то большая, другие обосновались за границей, кто-то за годы разрухи и повсеместного разлада погиб, а кто-то до сих пор в горах прячется от федералов. Некоторые и не с боевиками, но предпочитают у родственников в горных селениях выждать самое опасное время. И не знают даже, что дом восстановили и даже электричество подключили, отопление, воду дали... Но никто не ведает, где искать хозяев, не заявивших свои права на квартиры. А когда кругом столько бездомных, желающих вселиться в стены найдется немало. Да и военных поселили здесь же. Только в одном подъезде Мадина, считай, два этажа из пяти им отдали. Но и не военных она тоже всех в лицо не знает. Слишком много вселилось в дом незнакомых, а одна квартира в их подъезде вообще считается общежитием.

Мадина пришла с базара, где торговала чужим товаром, получая за эту работу столько, что едва хватило бы одну себя прокормить, не говоря уже о детях. А их трое. Муж тоже зарабатывает не много. Но и за эту работу уцепился, рад, что хоть что-то имеет, но каждый день задерживается – на час, а то и на два позже жены приходит, хотя заканчивает работать официально на час раньше. Иначе нельзя, иначе на его место могут и другого подыскать, кто задерживаться будет...

Поднявшись к себе на четвертый этаж, она стала открывать дверь, когда услышала за спиной шаги и оглянулась. По лестнице поднимались два человека. У одного в руках большой «дипломат». Выглядят оба интеллигентно. Может, и видела их когда-то, может, не видела – Мадина точно сказать не могла. Да рассматривать их некогда. Мадина пыталась открыть дверь, но что-то ключ в замке не проворачивался.

– Тебе помочь? – услышала голос за спиной.

Не чувствуя беды, она посторонилась, чтобы мужские пальцы, конечно же, более сильные, чем ее, справились с непослушным ключом. Они и справились. Легко, словно и не было никакой проблемы. Мадина толкнула дверь, и с порога позвала старшего сына:

– Азат!

Но сын не отозвался. Она хотела еще раз позвать, чтобы он взял у нее из рук тяжелую сумку с чужим товаром, но тут двое мужчин, что все еще не ушли с лестничной площадки, просто затолкнули ее в квартиру. И сами вошли следом. Дверь тотчас плотно, но без стука прикрылась. И замок щелкнул.

Мадина возмутилась, испугалась, но даже закричать или сказать что-то не успела, когда увидела наставленный ей в голову пистолет. И другой пистолет, наставленный на сына... В квартире оказалось еще двое мужчин. Только теперь, рассмотрев их, она убедилась, что лица незнакомые. Это явно не жильцы их дома.

– Мы вас не тронем... Только погостим недолго... – сказал младший, с красивым, но неприятным лицом. Впрочем, сказал совсем без угрозы, почти извиняясь.

– Что вам надо? – спросила Мадина, подозревая, что их хотят просто ограбить, что в республике не в диковинку. Пожалела, что носит с собой товар. Чужой товар... Теперь за него не расплатиться...

– Надо, чтобы вы сидели тихо, внимания не привлекали и нам не мешали. Будете мешать... Не маленькая, сама понимаешь... Сына пожалей... И других детей... У тебя же еще двое?

– Двое...

– Гуляют? Когда прибегут?

– Не прибегут. Они у бабушки ночуют.

– Найти не долго... Побереги и их тоже...

Она поверила, что жизнь детей сейчас только в ее руках. И поняла, как надо себя вести, чтобы не случилось чего-то страшного. Ее грубо затолкнули на кухню, и посадили рядом с сыном. Азат молчал, красными воспаленными глазами смотрел на незваных гостей. Рядом строился самой пожилой из четверки и пистолет из руки не выпускал, поигрывая стволом, переводя его с матери на сына и обратно.

Трое ушли в большую комнату.

Говорили между собой по-чеченски чисто, но это были не чеченцы. Чуть-чуть другое произношение, – уловила Мадина. Может быть, более правильное. Не говорят так правильно в народе. Не всегда все фразы договаривают до конца, потому что продолжение понятно и без лишних слов. Эти договаривают. Но понять, кто они, Мадина не смогла.

Ожидая, что грабители будут их бедную квартиру обыскивать, она прислушивалась больше к звукам, чем к речи, представляла движение людей по комнате. Но так и не услышала, как открылась дверца платяного шкафа, где под постельным бельем были спрятаны небольшие

сбережения семьи. А потом надолго установилась тишина. Мадина не знала, что и предположить, не понимая, чем мужчины занимаются там, за стеной, чего они ждут. Может быть, прихода мужа? Может быть, именно он им нужен? Тогда это беда еще большая...

Потом по звуку догадалась, что открывают окно. Зачем открывают? Мадина несколько дней назад старалась, заклеивала щели в рамках полосками бумаги. А мужчины эту бумагу отрывают. Но и не в этом дело. Если окно распахнуть полностью, внутренняя рама не держится и падает. Разобьют стекло, пока найдешь другое, чтобы заменить, вся квартира выстудится. Но возразить Мадина не посмела. Даже предупредить не решилась.

Но стекло не зазвенело...

– Это он? – спросил один мужчина другого там, за стеной.

– Подожди... – другой ответил неопределенно, и раздались новые звуки. Мадина догадалась не сразу, что набирают номер на трубке сотового телефона. – Что не сообщаем? Да... Да... Которого привезли только что? Он? Понял... Он...

– Работай! – со стороны первого мужчины прозвучала откровенная команда.

А еще через несколько секунд раздался выстрел. Громкий и звучный в стенах тесной квартиры. Он по ушам ударил даже Мадину, находящуюся на кухне. И она испуганно обхватила двумя руками голову сына.

– Порядок, – сообщил третий голос.

– Куда попал?

– В ухо. Мозги должны из другого уха вылететь?

– Вылетели?

– Там зеркала нет. Мне не видно.

Мадина догадалась: «порядок», это значит, что кто-то убит. Вокруг так много убивают, так много знакомых нашло себе место на кладбище, а многие погибли и вообще неизвестно где, что чужая смерть не волновала...

Через минуту троица вернулась на кухню. Один на ходу продолжал закрывать свой «дипломат». Тот молодой, что командовал всеми, протянул Мадине пачку долларов. Она взяла робко.

– Здесь тысяча баксов. На базаре плати. Они фальшивые. Менять надумал, «замечтуй»... Это тебе плата за молчание. А начнешь болтать... О детях подумай...

И они вышли из квартиры.

Вообще-то Мадина всегда считала, что свидетелей убивают. И в эти последние минуты думала о том, как ей спасти старшего сына. Самой погибнуть, но сына спасти. В голову, однако, ничего не приходило. Ящик кухонного стола, где лежали ножи, находился как раз под рукой пожилого, что охранял их, поигрывая пистолетом. До ящика не добраться. Чем-то по голове ударить? Но тяжелого под рукой ничего нет, кроме сковородки. Что можно сделать сковородкой?.. Только звон в ушах вызвать.

Оказалось, она беспокоилась напрасно. Ей даже заплатили. Но, даже держа в руках деньги, пусть и фальшивые, она все еще не находила в себе сил, чтобы встать, и прижимала деньги к голове сына.

– Мама... – позвал Азат. – Они ушли... Совсем ушли...

Он высвободился из ее ослабевших рук и поспешил к двери, закрыл ее на ключ и на задвижку. И только после этого Мадина смогла подняться. Она прошла в комнату и остановилась рядом с окном. Окно так и осталось приоткрытым. Открывали только так, чтобы создать маленькую щель. И из нее стреляли. Мадина поднимала глаза, отыскивая мишень, и увидела вдалеке окна военного госпиталя. И даже невооруженным глазом можно было рассмотреть пробитое стекло в одном из окон. Там горел свет, и какие-то люди бегали, суежились. Подробности из-за расстояния разобрать было невозможно...

Муж пришел, как всегда, через полтора часа после прихода Мадины. Она рассказала, что произошло. Он сел на кухне, ковырял пальцами кусочек овечьего кислого сыра и думал. Долго думал, взвешивая все последствия. Как всякий настоящий мужчина, он любил сначала все обдумать и только после этого высказать свое мнение. Тогда уже не придется брать слова обратно...

– По выстрелу могут окно вычислить, – сказал наконец. – Менты приедут, тогда уж... Никуда не денешься... Но сама никому не говори. И ментам... Доллары спрячь. Не говори. Просто, выстрелили и ушли. Пригрозили. Ты за детей испугалась...

3

Эмир Зелимхан Кашаев снял с головы вязаную шапочку, потер ею руки, разгоняя в пальцах кровь, и только после этого протянул ладони к очагу, грубо сложенному из слоистого горного камня. Металлическая неровная труба от очага уходила в крышу и по ночам, когда топить приходилось сильнее, более того, когда можно было позволить себе топить сильнее, не боясь, что дым обнаружат самолеты-разведчики федералов, активно гудела. Руки у эмира не замерзли, в землянке не холодно, потому что камень хорошо держит тепло, но очень уж сыро, как всегда бывает в землянках, расположенных поблизости от ручья. И у Зелимхана в последнее время болят суставы пальцев. Наверное, это от всегдашней сырости. По крайней мере так говорит врач-араб, что уже второй год служит в одном из джамаатов Кашаева. Удивляться нечему – столько лет уже Зелимхан в сырости живет, что скоро не только пальцы, скоро все суставы болеть начнут. Пора бы и перебираться в теплые края, чтобы там, на солнышке, прогреться. Но сначала необходимо все дела здесь завершить. И когда это удастся сделать, неизвестно. А пока дела не завершены, характер не позволяет Зелимхану уйти. Но он при этом понимает, что уходить придется вскоре, и уходить, скорее всего, навсегда. Прочь из этой сырости!

Землянки базы всегда ставятся в самых глухих и дремучих урочищах, через которые обязательно должен протекать ручей. Чтобы не ходить за водой куда-то далеко и не показывать свое месторасположение. Случайные посторонние взгляды не купишь и любопытных, которых не знаешь и не видишь, не заставишь закрыть навсегда глаза. И эти места, как все низины, обязательно бывают сырыми. А строить базу где-нибудь на вершине или на склоне нельзя. Главное препятствие – лес там не такой густой. И именно потому по склонам больше троп проходит, чем по низинам. А зимой низины еще и снегом заметает по самые крыши землянок. Совсем базу не видно...

Вообще-то Зелимхан к этому времени обычно уже спокойно отдыхал вместе с семьей. Когда в Грузию, когда в арабские страны отправлялся. Один раз по хорошим документам даже в Сочи ездил. И ничего, сошло гладко, хотя его лицо хорошо известно всем, и не только ментам и фээсбэшникам – газеты, журналы, телевидение... Журналистам его физиономия нравится. Ею детей пугают... Короче говоря, в отдыхе он себе отказывать не привык. Случалось, и подлечиться требовалось. За две войны три ранения, одно из них тяжелое – не шутка. Но нынешняя зима не похожа на другие. В нынешнюю зиму Зелимхан решил остаться, чтобы раз и навсегда поставить точку в своих делах, а потом распрощаться с родными краями. Он отправил часть своих людей на отдых. Ни к чему им подставляться под автоматы «волкодавов», которые, как настоящие собаки, следы в зимнем лесу ищут. А сам пока остался... Да и не может он уехать, не дождавшись возвращения младшего брата. А брату пора бы уже и закончить все дела там, в Европе, и прибыть к нему. Давно ждет его Зелимхан... Пять месяцев... Ждет хотя бы вестей... И сегодня тоже ждет...

Зелимхан Кашаев знает, что федералы предлагают за его скромную голову немалую сумму. И даже специально охотятся за ним и за его младшим братом Алимханом, считая, что

они оба скрываются в здешних лесах. И потому сам никакой связи ни с кем не поддерживает. Даже по спутниковому телефону. Хорошо помнит, как уничтожили Дудаева. И его могут уничтожить так же. Ракета – дура. Ей куда ни скажешь, туда она и полетит. Скажут, что надо лететь в точку, откуда раздался телефонный звонок, она в эту точку и ударит. И нет возможности с ракетой договориться, нет возможности сунуть ей «в волосатую лапу» пачку долларов, чтобы она предупредила тебя о наступлении «часа X». Так договариваться можно только с людьми, ответственными за поимку эмира Кашаева, или хотя бы с людьми, работающими вместе с теми, кто за поимку ответственен. Система разработана четко и сбоек пока не дает. Десятки раз федералы организовывали широкомасштабную травлю Зелимхана Кашаева. Но всегда бомбили пустое место, потому что он был предупрежден не одним, а многими агентами, которых держал в силовых структурах. То есть не просто держал, а содержал... Тратиться на них приходится основательно, но безопасность никогда не бывает лишней. В этом эмир Зелимхан давно уже убедился.

Маленький огонек в очаге. Почти нет пламени. Это и не огонек, это угли, оставшиеся от ночного костра, прогорают долго, тлея. Но тепла они дают не меньше, чем большое пламя. И кажется, что боль в суставах проходит. По крайней мере пальцами уже можно шевелить активнее и не чувствовать внутреннего скрипа.

После короткого стука с железным рычанием кованых петель открылась тяжелая дверь.

Ее специально утяжелили, основательно утепляя, когда Зелимхан Кашаев решил остаться в горах на зиму. Точно так же поступили с дверьми в эмирских землянках на всех четырех базах джамаатов Зелимхана. Там, на каждой из баз, сейчас находится по несколько человек, которые следят за сохранностью землянок и заодно осматривают окрестности, чтобы эмир однажды не прибыл в опасную зону. Обычно Зелимхан не задерживается больше чем на месяц на одной базе. Считает это опасным – предатели и изменники могут быть везде. А федералы слишком много предлагают за его голову. Мало ли кто соблазнится возможностью списать все свои грехи и обеспечить себе до конца жизни безбедное существование. И потому он часто менял базы. Но так всегда было летом. Сейчас же, когда снег выпал, хотя и очень поздний, небывало поздний, оставаться на одной базе более безопасно, чем переходить с места на место, оставляя следы и показывая свое местонахождение и маршруты передвижения. Так можно вообще без резервных баз остаться, и когда еще умудришься новые подготовить...

– Эмир, человек прибыл с новостями. Ему звонили... Просили что-то вам лично передать... – сообщил араб-охранник на арабском языке, которым Кашаев владел свободно.

Зелимхан держал при себе охранников-арабов, не знающих чеченский язык. Далеко не каждый чеченец умеет по-арабски разговаривать. И если найдется предатель, он не сумеет договориться с такими охранниками.

– Зови... – Зелимхан поднялся с пенька, заменяющего ему табуретку, и повернулся к двери лицом. Он любил стоять прямо, полностью расправив плечи, чтобы при своем и без того высоком росте выглядеть еще выше. Это, как казалось Зелимхану, придавало ему больший авторитет.

Охранник сделал рукой приглашающий знак за спину. И не вышел сам. Охрана всегда присутствовала при разговорах с посторонними. Эти разговоры, как правило, велись на чеченском языке. И это была еще одна причина, по которой Зелимхан запрещал своим моджахедам обучать охранников чеченскому, и охранникам, в свою очередь, запрещал изучать чеченский. Его могли изучать простые арабы-наемники, которых тоже в джамаатах Кашаева немало. Им язык нужен для взаимопонимания во время боевых действий. Охранники же вполне могут обойтись арабским. Если надо отдать приказание охранникам в отсутствие эмира, это вполне могут сделать его заместитель или комендант базы, начальник штаба или начальник разведки

– они все арабским владеют. Пока такая система охраны срабатывает и не допускает сбоев, как допустили сбой охранники Хаттаба и Масхадова.

– Здравствуйте, Зелимхан Абдулович!

Вошедший оказался человеком невысокого роста, со щеками, заросшими седой щетиной, и щербатым, всегда полураскрытым ртом. И фигура сторбленная. Неприятная внешность. Такого к себе в джамааты Зелимхан никогда бы не взял. Но вот разведчики и связные из таких неприглядных получают хорошие. Этого на внешность эмир не помнил. Да он и не обязан помнить всех, кто ему служит. Обычно они общаются через начальника разведки, докладывая все сведения ему, а начальник разведки, в свою очередь, обобщив данные, обсуждает их с начальником штаба. И только потом, уже с выводами, данные поступают к самому Зелимхану. Но сейчас случай особый. Зелимхан ждет брата Алимхана. Знает, что тот выехал. Но сам не в состоянии провести его через половину Европы и всю Россию, не имеет возможности контролировать его передвижение. Однако отрывочные сведения уже поступают. И только с такими сведениями агенты допускаются, минуя начальника разведки, напрямую к Зелимхану.

– Что скажешь? – Зелимхан не унился до приветствия такого ничтожного человека.

– Мне позвонили из Грозного. Велели сказать, что Его менты забрали.

Именно так – «Его», а не Алимхана. Никто не знает, что речь идет об Алимхане.

– Менты забрали? С чего это вдруг?

– Что-то, говорят, с визами у него не в порядке. Менты не любят тех, кто из-за границы домой приезжает. Или наоборот.

– Что – наоборот?

– Наоборот, любят... С иностранцев баксы стрясти можно. Они и держат, пока не стрясут сумму. Бандиты, а не менты.

Эмир с досадой ударил кулаком в ладонь. Брату в его положении следовало избегать всяких неприятностей и никак не попадать к ментам в лапы. Эти-то уж своего не упустят.

– И что дальше?

– Пока ничего. Спрашивают, в каких пределах можно усердствовать, чтобы выручить.

– Когда звонить будешь?

– Как только домой вернусь. Сразу и позвоню. Что передать?

– В каких пределах... Что за дурацкий вопрос! Никаких пределов! Все положить, но выручить. Это очень важно! – рявкнул Зелимхан так, что чуть не сорвал голос.

– Я понял, эмир. Так и передам, что вы ругались.

– Так и передай. Часто к нам ходишь?

– Только когда попросят что-то передать.

– Правильно. Лишний раз сюда ходить не надо. Не музей. Родня у меня служит?

– Сын.

– Видел его?

– Еще нет. Хочу перед уходом поговорить.

– Надолго не задерживайся.

– Десять минут...

– Иди.

Связной вышел вместе с охранником. Зелимхан прошелся по тесной землянке, потом остановился посередине и положил руки на бревно потолочного перекрытия.

– Ох, как я не люблю случайности...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

– За что я люблю зимний лес, – сказал подполковник Сохно, – так это за то, что каждый след хорошо видно. А за что я не люблю его? Так за это же самое! За то, что видно и мои следы... Что мы получаем в итоге, вследствие выпадения устойчивого снежного покрова? Мы получаем существенное и обоюдное для всех сторон обострение ситуации. Не зря в старину военные кампании проводились исключительно в теплое время года. Зимой войны спали, как медведи, и жирок накапливали. И единственное, за что я уважаю чеченских боевиков, так это за их стремление зимой отдыхать. К сожалению, данное правило касается не всех. А в данном конкретном случае я имею сказать только большое «фи...» ранее не очень уважаемому мною лично полевому командиру эмиру Зелимхану Кашаеву и гарантировать ему дальнейшее полное неуважение...

– Если ты этим уважительным многословием объясняешь нам, что надо быть осторожнее, – ответил через «подснежник»⁴ подполковник Афанасьев, которого обычно в группе и даже вне ее привычно зовут Кордебалетом, – то я тебя, возможно, понял.

Кордебалет давно привык к несколько своеобразной манере разговора Сохно. Вместе они воюют с начала семидесятых. Во Вьетнаме еще начинали.

– Нет, – за Сохно ответил командир самой маленькой по численности ОМОГ⁵ в составе спецназа ГРУ полковник Согрин. – Он хочет конкретно сказать, что видит следы...

Согрин знает своего подчиненного на пару лет дольше Кордебалета. Он и тогда, в период их знакомства, уже был его подчиненным, хотя в те времена они и носили одинаковые воинские звания.

– Точно... – подтвердил подполковник Сохно. – Издали любуюсь, через окуляры...

– Я их тоже вижу. И тоже не подхожу... Как думаешь, сколько человек прошло?

– Покажите мне, я тоже любопытный! – попросил Кордебалет, слегка отставший от товарищей, чтобы прикрывать их с тыла.

– Еще шагов на двадцать спустишься, тоже увидишь, – подсказал Сохно товарищу. – Мне вообще кажется, что ходили и в одну, и в другую сторону... И незадолго до окончания снегопада. Одни следы занесены, вторые – почти нет. Однако с такого расстояния гарантии дать не могу.

Свежая, недавно протоптанная тропа хорошо просматривалась сверху, когда пересекала открытое место внизу, в ущелье. Может быть, эта тропа была здесь и раньше, и по ней ходили, по местным меркам, достаточно часто, пусть и небольшими группами – хотя бы раз в неделю. В этом случае, при такой неостребованности для прогулок, невозможно определить наличие стабилизировавшейся тропы. За неделю притоптанная трава поднимется в полный свой рост, и пробьется к жизни, следовательно, никто не обратит на маршрут внимания. Но раньше – и несколько месяцев назад, и вчера еще! – не было снега, и потому никто такой маршрут пере-

⁴ «Подснежник» – миниатюрная коротковолновая радиостанция ограниченного радиуса действия. Предназначена для установления связи внутри тесно работающей группы. Как правило, дальность устойчивой связи не превышает двух километров.

⁵ ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа.

движения боевиков не зарегистрировал. Есть, очевидно, и другие подобные маршруты, чередующиеся с этим. Именно для того чередующиеся, чтобы тропы успели зарости до того, как придется идти в следующий раз.

– Посмотрели достаточно? – спросил Согрин. – Молодцы! Слушаю мнения!

«Подснежник» дает возможность провести маленькую оперативку, не собираясь в кучу и не разрисовывая склон горы своими следами, показывая боевикам свое присутствие.

– Хорошо бы след «понюхать», прежде чем мнение высказывать, – сказал Сохно.

– Если умеешь летать, нюхай, – посоветовал полковник с легким смешком, который не слишком чувствительные наушники «подснежника» все же донесли до ушей подполковников.

– Летать... Такого мне бог не дал. Но я, кажется, плавать умею. Особенно если вода ниже колена.

– То есть... Смотрю карту... – Согрин сразу понял, что у подполковника созрела мысль. И он, только развернув нужный лист карты, сразу эту мысль понял. – Далеко, Толя. Возвращаться придется по своим следам, чтобы внешний вид склона ненароком не попортить. Это добрых километров пять.

– Я сгоняю. До ночи целый день в запасе. Уложусь. А вы пока наблюдайте.

Согрин пожал плечами так, словно Сохно мог его видеть.

– Предложение принимаю, возражений не имею. Часа в два уложишься? Путь-то в гору.

– Постараюсь. Лучше рассчитывать на три. Но я могу торную дорогу срезать по камням. Там следы не видно. Тогда и буду быстрее.

– Добро.

– А я как раз сеанс связи проведу. Время подходит, – подсказал Кордебалет. – Все равно останавливаться.

– Разворачивайся сам. Я помогать не буду. Не хочу следить, – согласился Согрин.

– Не впервой, справлюсь.

Подполковник Афанасьев, как шифровальщик группы, выполняет по совместительству обязанности радиста. Впрочем, современное оборудование не требует многих навыков и позволяет успешно совмещать обе должности без потери качества работы. Так же обстоит дело и в других группах спецназа ГРУ.

Уверенный в своем дыхании, Сохно сразу взял темп, который в состоянии выдержать только хорошо тренированное тело.

Снег под ногами лежал сырой и вязкий, стремился за ноги зацепиться, налипнуть на обувь и замедлить движение, а то и вовсе остановить. Подполковник этого словно и не замечал и не останавливался. Но не забывал автоматически посматривать по сторонам, оценивая окружающую обстановку. При этом присматриваться к чему-то особо надобности, кажется, и не было. Просто Сохно знал, что любое движение, даже вдалеке, даже простой полет птицы периферическое зрение заметит и передаст сигнал мозгу, а тот, в свою очередь, начнет усиленный и сконцентрированный контроль. Так бывает всегда. Исключение составляют статичные объекты. И именно их стоит контролировать. И хотя в данной ситуации статичных объектов, несущих опасность, встретиться не должно, тем не менее про контроль подполковник не забывал, потому что знал прекрасно, что о нем здесь заботиться некому и собственную безопасность он обязан обеспечить сам.

Так за сорок минут, без остановки на отдых, и добрался до каменной продольной гряды, идущей из леса через открытое пространство горного склона до другого леса. Но камни тоже снегом засыпало. Однако здесь снег лежал совсем иной, нежели в лесу и на открытом ровном месте. По крайней мере, черных прогалин здесь столько, что при наблюдении со стороны любой след можно посчитать за такую прогалину. Это на целине следы цепочкой лежат. Здесь же проследить цепочку возможно только при близком рассмотрении.

Прежде чем выйти из-под сени деревьев, задержался в кустах. Здесь присмотреться стоило особо, как всегда бывает в зоне боевых действий при выходе на открытое пространство. И, как оказалось, сделал это подполковник не зря.

Зримая цепочка отпечатков разрезала снег, и спускалась она тоже из леса, того самого, по которому прошел Сохно, только проходила выше, чем шел он, и указывала направление – на каменную грядку. Вопрос встал сразу – человек, несомненно, один человек, шел примерно тем же курсом, что и спецназовцы. Рельеф склона заставлял их самих частенько петлять. Вероятно, и этот человек тоже петлял. И вполне мог видеть их следы.

Видел? И именно потому не пошел прямо, а удалился на грядку?

Допустимый вариант.

– Рапсодия. Я – Бандит, как слышишь? – попытался Сохно связаться с Согриным, но он заранее знал, что это бесполезно. Уже минут десять, как наушник «подснежника» не доносил ни звука и даже не потрескивал. Значит, связи нет. Связь может появиться через десять шагов, а может и не появиться. В горах прохождение радиоволн – явление непонятное и неустойчивое. И рассчитывать на согласованные совместные действия не стоит. Придется действовать в одиночку, что, впрочем, Сохно сильно не расстроило.

Подполковник поднял к глазам бинокль и долго всматривался в камни, выискивая то, что не вписывалось в естественный пейзаж. И ничего серьезного не увидел. Если кто-то и залег там, то замаскировался так хорошо, что обнаружить его можно, только на горло наступив. Сохно и сам, как всякий офицер спецназа ГРУ, толк в маскировке знал, и потому допускал, что и боевики это умеют делать не хуже. И в данной ситуации у него не осталось иного выхода, нежели идти на риск и выходить на открытое пространство.

Видимые сблизи чужие следы уходили в сторону изгиба ущелья. Человек мог уйти за изгиб, точно так же, как не уйти за него и караулить возможное преследование раньше. Он мог караулить его и за самим изгибом, дожидаясь, когда там кто-то появится, не готовый к встрече. А мог и вообще не караулить... Нет причин у прошедшего здесь ожидать, что его будут преследовать. Даже если он и видел следы спецназовцев, и именно потому свернул на грядку, он считает, что оказался за спиной противника. Какие у него основания ждать возвращения спецназовцев? Нет таких оснований... И вообще на следах спецназа не отпечатывается «летучая мышь»,⁶ и принадлежать они могут кому угодно. Даже тем же самым боевикам, их разведчикам или связным, идущим в отряд со свежими сведениями...

Сохно вышел из кустов осторожно, перепрыгивая с одного скользкого камня на другой, и быстро переместился под скалу, закрывающую от него половину гряды, но в то же время и его защищающую от выстрела из засады, если такая есть в действительности. Но и с той половины гряды, откуда он оставался видимым, выстрела не последовало.

В работе спецназа риск – это профессиональные издержки.

Сохно рисковал умышленно, осознанно, но – заранее просчитав ситуацию. Он прекрасно знал, что мишень представляет не слишком удобную. Если бы оказался в засаде снайпер, только это было бы опасно. Но вероятность нарваться здесь на снайпера равна одному проценту из ста. А человек с автоматом с дальней дистанции – а ближайшее окружение показалось подполковнику безопасным! – не всегда попадет в человека, перемещающегося не по прямой, а прыгающего с камня на камень, выбирая себе путь. Пусть даже и попадет, но в этом случае, хотелось верить, спасет бронезилет. Стрелок же себя определит. Иного пути для быстрого определения возможного противника Сохно пока не увидел.

⁶ На эмблеме военной разведки изображена летучая мышь, обнимающая крыльями земной шар. Не путать с эмблемой израильской разведки МОССАД, тоже изображающей летучую мышь над земным шаром. В эмблеме МОССАДа летучая мышь держит в лапах кинжал.

Но выстрел не раздался. Может быть, он раздастся с другой стороны, с более высокой точки склона? Лишь бы это оказался автомат, а не снайперская винтовка... И, обойдя скалу, подполковник продолжил путь, не выпуская из поля зрения следы прошедшего неподалеку человека.

И выстрел прозвучал.

Одиночный. Очень громкий.

Не из автомата стреляли.

2

– Покойника под стол! – сурово скомандовал мент-подполковник.

Он, кажется, откуда-то из Сибири или с Урала. Крепкий, похоже, мужик! Каждый день пьет, а пьяным его никто ни разу не видел. Совсем другое дело – старший лейтенант внутренних войск, что живет в одной комнате общежития вместе с подполковником и капитаном Трапезниковым. Этому много не надо. По полстакана приняли, и глаза у парня уже откровенно не трезвые. Впрочем, дело обстоит, наверное, не так – полстакана выпил только опоздавший к началу вечернего застолья Трапезников. Они же начали бутылку до него. Может быть, потребовали не одну. И теперь старший лейтенант убрал со стола пустую, чтобы подполковник поставил в середину его новую, непечатую, которую уже торжественно в руках держит. А под столом целая батарея образовалась. Чтобы вынести, руки не доходят, а уборщица приходит тогда, когда в комнате никого нет. И не решается похозяйствовать, потому что ее уже однажды обвинили в похищении пустых бутылок. Хотя раньше пустые бутылки всегда были законной добычей уборщиц. Но времена сменились, и сейчас не поймешь, как себя вести с такими жильцами.

Старший лейтенант, выполнив традиционный ритуал, замер в ожидании. Подполковник начал «исполнять» на губах «Свадебный марш Мендельсона». Почему именно этот марш, подполковник сам, наверное, не знает. Похоже, он другой музыки в жизни не слышал, а если и слышал, то ничего запомнить не смог. Минувшим вечером Трапезников задал такой вопрос, на что подполковник только плечами пожал. Сейчас даже спрашивать не захотелось. Осталось только дожидаться окончания «марша».

И в это время в дверь постучали.

– Кого надо? – басисто спросил подполковник, прерывая музыкальные упражнения, но не выходя из-за стола.

– Капитана Трапезникова к телефону, – раздался голос дежурного по офицерскому общежитию. У этого старшего прапорщика голос характерный, не спутаешь с другим. – Из управления требуют срочно...

– Иду, – отозвался Виктор и снял со спинки стула камуфлированную куртку.

Он спустился на первый этаж, где за стойкой, напоминающей чем-то стойку бара, сидел дежурный, опередивший опера. Старший прапорщик кивнул на трубку, лежащую на стойке.

– Слушаю, капитан Трапезников...

– Виктор, это Хожаев. За тобой машина вышла. Будь готов.

– Что-то случилось?

– Не знаю точно. Мне самому только что позвонили, попросили тебя захватить, сообщили, что машина вышла и за мной, и за тобой. Ты раньше выходи, я далеко живу. Что-то неладно с тем парнем, что в госпитале.

– Он же, врач сказал, до завтрашнего дня спать должен.

– Может, проснулся не вовремя, может, еще что-то. Мне по телефону не сказали. Выезжай. Я встречу на дороге.

И подполковник положил трубку.

Трапезников пожал плечами, недоумевая, и поднялся на второй этаж, чтобы собраться. Не забыл пистолет проверить и затвор передернул. Так его еще в Москве предупредили – патрон должен быть всегда дослан в патронник. В Чечне, случается, времени на передергивание затвора не отводится.

Снегопад прекратился, но сырая, раскатанная за день дорога осталась скользкой.

– Резину бы шипованную, – мечтательно сказал прапорщик-водитель.

На перекрестке машину при повороте в очередной раз занесло так, что правое заднее колесо ударилось о бордюр. Впрочем, ударилось не сильно, хотя для пассажира на заднем сиденье и чувствительно.

– С такой резиной в большом городе, где движение нормальное, уже пять раз бы в аварию попал. Но здесь разве выпросишь. А-а...

Прапорщик тоже прикомандированный и ждет не дождется, когда командировка кончится.

На окраинах Грозного улицы были темны, и там ехать пришлось медленнее. Подполковник Хожаев при звуке двигателя вышел из калитки своего большого каменного дома, привычно бросил взгляд по сторонам – вправо, влево и только после этого вытащил руку из кармана. Трапезников понял, что Хожаев держит пистолет не в кобуре, а в кармане. Так Хожаеву кажется надежнее.

Подполковник опытный человек, местную обстановку знает хорошо. И сел не рядом с водителем, а на заднее сиденье рядом с Трапезниковым. Там, на заднем сиденье, их не видно, и, если в машину будут стрелять, в первую очередь мишенью становятся водитель и пассажир с переднего сиденья. Задние пассажиры имеют возможность приготовить оружие и начать отстреливаться.

– Часто такие срочные вызовы? – спросил капитан.

Хожаев потянул носом, уловив запах спиртного.

– Что пил?

– Водку. Только приступил с соседями по комнате, вы позвонили...

– Ладно... Я пока машину ждал в госпиталь позвонил. Выяснить, что там еще. Так вот, там было покушение на нашего парня. Этого, что омоновцы на дороге подобрали...

– Покушение? – переспросил Трапезников, удивляясь тому, как незначительная ситуация резко перерастает в сложную, которую разгрести, как говорит практика, обычно не удается. Что такое есть покушение, да еще здесь, в Чечне, он понимал отлично. Шансов на удачное проведение следствия практически никаких.

Скользкая дорога не позволяла разогнаться, и ехать пришлось долго – сначала через весь Грозный, потом еще в Ханкалу. Подполковник несколько раз посматривал на часы, словно опаздывал. И опасался, что из-за этого опоздания ситуация в госпитале изменится.

– В управление заезжать будем? – спросил водитель.

– Что там делать? Гоним сразу, – решил Хожаев. – Надо будет – позвонят.

– В госпиталь бригада выехала? – поинтересовался Трапезников.

– Пока только менты. Надо посмотреть по подследственности. Может, это чисто их дело. Забрать себе всегда успеем.

Подполковник Хожаев поздоровался за руку с сухошавым майором милиции. Трапезников сразу определил, что они давно и хорошо знакомы только по тому, что офицеры друг другу даже не представились.

– По этому же делу? – с надеждой поинтересовался майор, но невозмутимым лицом никак свою надежду не показал.

– Другого, надеюсь, здесь не произошло, – ответил Хожаев.

– И этого хватит. «Висяк» стопроцентный. Буду сердечно рад передать его вашей системе! – Майор, казалось, заранее предвидел успешное избавление от ненужной бесперспективной работы. Ответ подполковника показался ему подтверждением. И у майора даже настроение, похоже, сразу улучшилось. Об этом по крайней мере сказала подобие улыбки, коротко, на ничтожную долю секунды, проскользнувшее по лицу.

– Мы не спешим, – ответно усмехнулся Хожаев, остужая ментовские надежды. – Посмотрим... В курс дела сначала введи.

– А что тут вводить. Дело пустяковое. Подобрали на дороге избитого парня без документов. Доставили в госпиталь. Судя по всему, чеченец. Ну, хотя бы житель Кавказа. Обработали антисептиками, физиономию пластырем заклеили, поставили укол с успокаивающим, отвезли в палату. А через пять минут через стекло влетает пуля, и пробивает подушку под больным. Отрывает ему мочку уха...

– Откуда стреляли? – спросил Трапезников.

– Скорее всего, с крыши ближайшего жилого дома. Далековато, но снайпер был опытный. Чуть-чуть промахнулся. Хотя, может быть, и из какой-то квартиры стреляли.

– Точнее определить можно? – поинтересовался подполковник.

– Сейчас эксперты появятся, – пообещал майор, заполняя «шапку» протокола. – Они в палате, как раз и высчитывают траекторию. Это несложно, у них лазерная рулетка. И наши парни во двор ближайшего дома поехали. На опрос свидетелей. Кто-то должен был или выстрел слышать, или посторонних видеть. На крыше или в подъезде...

– Что сам больной?

– Свидетели говорят, только головой во сне поворачивал и стал дальше спать.

– Можно его как-то разбудить? – спросил Трапезников. – Надо хотя бы личность выяснить.

– Я спрашивал врача. – Ммайор вздохнул, и не с облегчением, и не с усталостью, скорее, с прежней невозмутимостью, сожалея, что кто-то пытается ее нарушить. – Можно поставить укол кофеина, тогда есть вероятность, что проснется. Но будет ли хорошо соображать, это неизвестно. Наш фотограф, кстати, сразу отправил в райотдел дискету. Пока мы здесь возимся, там проверяют его «по розыску». И в РОШ⁷ сразу отправят, и в Москву. И вашим тоже. С этим у нас порядок и оперативность. Пока я тут бумажным творчеством заниматься буду, ответ уже доложат.

– В розыске его не будет, – уверенно сказал Трапезников. – Не идентифицируют. Надо бы отпечатки пальцев «скатать»...

– Почему не идентифицируют? – поинтересовался майор, будто бы и не интересуясь предстоящим ответом на свой вопрос. Он вообще, похоже, человек чрезвычайно спокойный, и разговорами его не вывести из себя при всем старании.

– Потому что он недавно перенес пластическую операцию, – за капитана ответил Хожаев. – Изменил свою внешность. Хотя я допускаю, что это могла быть простая операция по омоложению. Всякие там подтяжки кожи и прочее. У женщин это встречается чаще, но и мужчины порой к такому прибегают, и не совсем мужчины, чаще...

– Пластическую операцию? – майор даже протокол от себя отодвинул, и Трапезников убедился, что он все-таки может удивляться. – Тогда я вас поздравляю. Вернее, поздравляю себя, потому что это уже дело откровенно вашей подследственности.

– Я же сказал, что не вижу необходимости в спешке, – опять возразил Хожаев. – Пулю нашли?

– Нашли. Прошила подушку и матрац и увязла в деревянной перегородке. Почти целая. Отправили на идентификацию ствола.

⁷ РОШ – региональный оперативный штаб.

– Результаты нам перешлите.

В дверь без стука вошел человек в штатском. Не обращая внимания на офицеров ФСБ, сел на стул сбоку от стола.

– Что? – спросил майор.

– Из окна дома, с четвертого этажа. Я уже позвонил парням. Они готовятся к штурму квартиры. Мало ли кто там может оказаться.

– Едва ли там кто-то может оказаться, но пусть перестраخуются.

– Пойдем, палату посмотрим, – сказал Хожаев капитану. – Потом в тот самый дом съездим, если в квартире хоть кто-то есть.

3

Двухметровый гигант Доктор Смерть, иначе – Виктор Юрьевич Гагарин выполнял в российском антитеррористическом бюро Интерпола работу компьютерщика, оператора связи и шифровальщика. Он сам сразу, с первых дней работы бюро, выбрал для себя место за компьютером, и только в случае отъезда в командировку или вследствие другой оперативной необходимости уступал его кому-то. По сложившейся в бюро традиции и в соответствии со штатным расписанием, его вполне могли заменить другие сотрудники. Однако в другом они заменить его не могли – Доктор Смерть считался достаточно ловким хакером и умел взломать любую сеть, сам оставаясь при этом не пойманным. Впрочем, относительно непойманности – это было утверждение самого Виктора Юрьевича. О том, что он забирается в базы данных ФСБ и МВД, в этих учреждениях знали, но посматривали на такое баловство сквозь пальцы. Коллегам они вынуждены были прощать такие мелочи, потому что не мелочи содержались совсем в других файлах, доступ к которым через сеть был серьезно ограничен или же вообще невозможен. А вынуждены были потому, что сами не могли без коллег обойтись во многих вопросах, поскольку доступ к зарубежным файлам был для них самих ограничен гораздо в большей степени, и данные они получали после просьбы, адресованной тому же Доктору Смерть или руководителю антитеррористического бюро Александру Игоревичу Басаргину.

– Вот он, твой дорогой бывший сослуживец. – Доктор Смерть развернул монитор так, чтобы видно было Басаргину, бывшему офицеру ФСБ, а раньше – офицеру КГБ. – Полюбуйся. Только фотография старая. Со служебных документов, я думаю. Из личного дела.

– И что там на него есть? – поинтересовался из-за другого стола Андрей Тобако, еще один из бывших. Тобако служил в «Альфе» первого созыва, участвовал в штурме дворца Амина в Афганистане, и дело на бывшего сотрудника КГБ не может его не заинтересовать.

– А про них, как обычно, ничего не бывает, – продолжил Доктор. – Отлично характеризовался по службе. Стандартная характеристика советских времен, которая обычно пишется тем же лицом, на которое пишется. Я сам на себя с десяток раз писал. И вопрос количества эпитетов можно отнести только к вопросу личной скромности. Прекрасный охранник, отличный семьянин. Вот. Один из лучших в управлении специалистов по «рукопашке». Об этом целых две строчки. Следовательно, сам он ценит это достаточно высоко. После сокращения числа охранников, то есть после ликвидации девятого управления,⁸ некоторое время работал в охранном бюро. Каково! С его-то квалификацией – и в охранном бюро. Когда началась заварушка в Чечне, за ним приехал брат – Зелимхан Кашаев. Все это время, начиная с первых потуг Дудаева стать вместе с Чечней самостоятельной фигурой на мировой арене, находился рядом с братом, отвечал за его безопасность. Есть косвенные данные о неоднократных поездках в Европу и в арабские страны. Иногда бывал в Грузии, где имеет множество знакомств в Министерстве безопасности. Старые связи по службе. Вот, кажется, и все. Но лицо внушает

⁸ Девятое главное управление КГБ СССР занималось охраной высших советских партийных и государственных деятелей.

доверие к его карьерным способностям, – Доктор Смерть повернул монитор к себе, разглядывая изображение, выведенное во весь экран. – Слегка заносчивый, как все чеченцы, за исключением нашего Зураба...

Последовал кивок в сторону Зураба Хошиева, бывшего чеченского милиционера, сотрудника бюро, по национальности чеченца.

Зураб улыбнулся:

– Это потому, что я наполовину грузин. Грузины более скромные, – и встал, чтобы открыть дверь на звонок.

– Наши приехали.

Это в самом деле приехали еще три сотрудника – Алексей Ангелов, в обиходе называемый просто Ангелом, его неразлучный товарищ еще по временам армейской службы Виталий Пулатов – просто Пулат или «маленький капитан», и Дмитрий Дмитриевич Лосев, более привычный к тому, чтобы его звали Дым Дымычем Сохатым. Все трое – бывшие офицеры спецназа ГРУ с богатым боевым, и не только боевым прошлым.

– Что-то новое? – поинтересовался Сохатый, остановившись рядом с Доктором, заглянув в монитор и вытаскивая из кармана разноцветные четки, которые любил перебирать между пальцев. Дым Дымыч давно увлекается восточной эзотерикой, и эти четки – наглядный атрибут его увлечения.

– В Эр-Рияде прямо в гостиничном мусорном бачке обнаружен труп человека с документами на имя Алимхана Абдуловича Кашаева, родного и любимого младшего брата эмира Зелимхана Абдуловича Кашаева, – сообщил Доктор Смерть. – Лицо изуродовано так, что узнать человека невозможно. Спецслужбы страны, естественно, сразу списывают происшествие на деятельность российских спецслужб и по этому поводу арестовали четверых сотрудников военного представительства России. Есть ли у них к этому основания, Интерполу неизвестно. Но наши сразу заявили, что все четверо арестованных не имеют к спецслужбам никакого отношения, и занимаются исключительно вопросами поставок военной техники. В данном случае они проводили переговоры по продаже Саудовской Аравии мобильных понтонных переправ экстренного развертывания. Необходимый, как я понимаю, атрибут для действий войск в условиях хронической саудовской пустыни. Военное ведомство Саудовской Аравии утверждает, что никаких переговоров они не вели, хотя им пытаются навязать эту совсем не нужную для саудовской армии покупку. Идет следствие... Нам обещают по возможности подкидывать материалы из саудовской службы безопасности. У Лиона⁹ там есть свои люди. Пока отмечено только одно несовпадение. Судя по изуродованному лицу, убитого сильно избивали, предположительно, не только кулаками, но и кулаками тоже. Но ни у одного из задержанных нет на руках ссадин. Кроме того, это нам не передали, но я сам додумался – в характеристике отмечено, что Алимхан был одним из лучших в «девятке» по рукопашному бою. Плюс к этому опыт службы. Плюс туда же опыт охраны брата и еще наверняка какие-то темные делишки. То есть он должен быть предельно настороженным, и застать его врасплох трудно. А если его просто бить, то он в состоянии за себя постоять. Но у него тоже не отмечено травмированных рук.

– И это? – показал Дым Дымыч на монитор.

– А это и есть тот самый Алимхан Абдулович Кашаев, запечатленный неизвестным фотографом в годы своей службы в «девятке». Более поздних фотографий, к сожалению, в досье не имеется. Должно быть, он не очень любил фотографироваться. Это, похоже, профессиональное, как у всех у нас. А в последние годы, думаю, у него были для этого особые причины. Это его брат Зелимхан иногда приглашал к себе операторов. Подражал бен Ладену. Но ни на одной пленке рядом с Зелимханом не мелькает Алимхан. Это тоже есть в досье. Лион запросил у нас материалы на этого парня.

⁹ Штаб-квартира Интерпола находится в Лионе.

– Бить, кстати, можно и связанного, – сказал Тобако, возвращаясь к сказанному ранее. – Некоторые это любят. А связанному сопротивляться трудно.

– Могли что-то в пищу подмешать. Потом изуродовать. Но зачем уродовать до неузнаваемости, и при этом оставлять при убитом документы? Очевидный прокол, – просчитал ситуацию Дым Дымыч. – Какая-то подстава, не иначе.

– Ладно. Отправь данные на Кашаева в Лион, – скомандовал Басаргин, – и запроси у них фотографии убитого. Фотографии из дела. Они наверняка имеют такие. Газеты и прочее.

– В Саудовской Аравии, – сказал Зураб, – запрещено печатать в газетах крупным планом фотографии, которые могут вызвать негативную реакцию у читателей. Например, фотографии с места убийства. Там живут культурные люди, и журналисты вынуждены под них подстраиваться.

– Может быть, добрый человек, можно найти фотографии в Интернете, – мягко предположил Пулат. – Их могли выставить на любом не арабском сайте. И даже арабские не все такие целомудренные.

– Я и запрошу, и поищу, – согласился Доктор.

– Я согласен с Дым Дымычем, – сказал Басаргин, задумчиво глядя в окно и придерживая рукой шторм. – Дело пахнет слишком откровенной подставой. За плечами Алимхана столько всего вместе с братом наворочено, что он, должно быть, очень боится ответственности. И решил таким образом уйти в тень.

– Он всегда был в тени брата. И согласно досье ФСБ единственное, что можно Алимхану предъявить, это – участие в деятельности незаконных вооруженных формирований. Все же остальное взял на себя его старший брат. И доказать причастность Алимхана к каким-то серьезным преступлениям будет очень сложно. Он даже в международный розыск не объявлен.

– Но тогда почти отпадает причина, по которой Алимхана должны были бы убрать сотрудники наших спецслужб! – сделал Ангел свой вывод. – Они предпочли бы захватить его, чтобы как-то сыграть на братских чувствах Зелимхана. Это единственная целесообразность. А она автоматически разбивает всю версию Саудовских прокуроров и следаков.

– Тебе бы в адвокаты пойти, а не в оперативники Интерпола, – съязвил Тобако. – Такой талант изощренного логика пропадает! Но это вовсе не значит, что я с тобой не соглашусь.

– Стреляю я лучше, чем защищаю, – скромно не согласился Ангел. – А логику оставим за нашим командиром. Он в ней постоянно упражняется, ему и флаг в руки.

– Потерявший лицо, – сказал Басаргин, уже начиная, похоже, упражняться в логике или просто услышав сигнал компьютера. – Доктор, что у тебя?

– У меня все в порядке. В Лионе кто-то сидит прямо перед монитором, и отвечает мне сразу. Вот фотография «потерявшего лицо». Из материалов уголовного дела.

Он снова повернул монитор так, чтобы видно было и другим. Тяжелый двадцатичетырехдюймовый жидкокристаллический монитор в руках Доктора Смерть смотрелся обычным бытовым монитором в руках нормального человека.

Басаргин подошел ближе. Долго всматривался в увеличенное во весь большущий экран изображение. Наконец хмыкнул:

– Доктор, ты у нас специалист по увесистым ударам.

– И что? – Доктор Смерть носил когда-то звание мастера спорта по боксу в тяжелом весе, и во всем, что касалось ударов, его авторитет был не менее непререкаем, чем в хакерских делах. – Честное благородное слово, его бил не я.

– Качество избиения... Оцени...

– Я уже оценил. Вот кровоподтек на челюсти... Били с левой... Всерьез... Скорее всего, там перелом... Только при переломе на челюсти возникает такая шишечка. Это я уже как отставной хирург говорю. Остальное... Работали не кулаками. Скорее всего, чем-то тяжелым

и массивным, типа бейсбольной биты. Похоже, что намеренно уродовали, чтобы никто не опознал.

– Что и требовалось доказать, – сказал Басаргин. – Вернее, что и требуется доказать, – поправился он после короткой паузы. – Отпечатки пальцев в досье есть?

– Есть.

– Послал их вместе с досье?

– Послал полностью. Все, что есть.

– Запроси Лион. Пусть попробуют добыть отпечатки пальцев убитого и сделать идентификацию. Впрочем, можно и не делать. Я уверен в результате.

– А они уверены? И главное, уверены ли саудовцы?

– Тогда запроси.

– Нет проблем...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Пуля ударила в область сердца, но бронежилет такой удар выдержал без проблем. А сам подполковник Сохно даже в прыжке, когда перескакивал с одного черного камня на другой, не был остановлен этой пулей. Но любой прыжок приходит к приземлению, как и прыжок Сохно. И после выстрела подполковник резко изменил направление движения, в одну сторону, в другую, ожидая следующего выстрела, одновременно и укрытие себе подыскивая подходящее, и размышляя над выстрелом. А поразмышлять есть над чем. Но размышления он закончил только тогда, когда укрытие нашел – три камня поменьше взгромоздились на большой валун. И эти размышления ввели спецназовца в замешательство. Дело в том, что Сохно, даже в поисках укрытия, не терял контроль над окружающим, и хорошо видел, как метрах в сорока от него из-за груды небольших камней поднялось маленькое сизое облачко. И сам звук выстрела, воспроизведенный в памяти, тоже заставил его недоуменно пожать плечами.

Более чем тридцатилетний опыт военных действий в разных странах мира давно научил Сохно определять по звуку выстрела оружие. Иногда он по звуку мог даже сказать точно, из какого пистолета стреляли. Автомат или автоматическую винтовку вычислял стопроцентно. Но сейчас определить «ствол» не смог. И уж вообще не знал боевого оружия, кроме артиллерийских орудий и ракет, которые способны выпускать над местом стрелка облачко дыма. Но подполковнику почему-то показалось, что в него попала совсем не ракета. Он даже в своем бронежилете усомнился, считая, что попадание ракеты бронежилет не выдержит.

Выждав несколько секунд, Сохно, змеей извиваясь и сам не понимая, как он может пробраться между так близко расположенных камней, все же пробрался и переместился в сторону, и только там достал из футляра бинокль. Место, откуда прозвучал выстрел, он хорошо запомнил. И сейчас, сам чуть не в землю вдавившись, выглядывая не над камнем, а с уровня земли, почти из-под камня, долго всматривался в гряды, пока не заметил слабое движение.

Ага... Еще пару секунд... Еще чуть-чуть правее... Что это? Что?

Это же ствол!

Но такой длиннющий имеют только крупнокалиберные специальные снайперские винтовки типа нашей В-94.¹⁰ Но все крупнокалиберные винтовки, и наши, и иностранные, имеют на конце набалдашник, гасящий пламя и звук. У этого ствола такого набалдашника не было. Более того, бинокль позволил рассмотреть на самом конце ствола маленькую мушку странной формы. Такие мушки бывают только на старых пневматических винтовках.

Так что же это за штука?

– Рапсодия! Я – Бандит... Слышишь, наконец?

Полковник не услышал.

– Ну вот... А я спросить хотел...

Расстояние до неведомого загадочного стрелка сорок метров. Может быть, даже тридцать четыре – тридцать пять, поскольку Сохно, перемещаясь к ближайшему укрытию, двигался, естественно, вперед, не собираясь отступать и сокращая дистанцию до предела.

Ствол шевелится, выискивая цель. Но ищет он только там, куда подполковник пару минут назад спрятался. Это наивно! Это даже глупо! Неужели уважающий себя спецназовец будет

¹⁰ В-94 – крупнокалиберная снайперская винтовка. Калибр 12,7 мм, магазин на 5 патронов. Имеет мощнейшую оптику, позволяющую опытному стрелку с расстояния в два километра попасть в спичечный коробок. С расстояния в 500 метров пуля пробивает шестнадцатимиллиметровую броню. Может стрелять патронами от крупнокалиберных пулеметов НСВ и ДШК.

сидеть вот так, дожидаясь, когда к нему подойдут и убьют? Уважающий себя спецназовец сам имеет обыкновение убивать того, кто намеревается его убить.

Автомат Сохно с собой традиционно не носит, заменив его двумя АПС.¹¹ Один по-ковбойски на бедре, чтобы можно было коротким движением взять рукоятку в руку, второй за левым плечом в портупее. Спереди портупея кожаная, сзади – резиновая. Стоило только потянуть книзу кожаный ремень, как кобура переваливалась через плечо, и пистолет падал рукояткой в подставленную руку. Конечно, нестандартная и неуставная экипировка. Но очень удобная. А в условиях боевых действий на стандартизацию внимания обращают мало. Тем более когда дело касается спецназа ГРУ.

Как обычно, подполковник начал с нижнего пистолета. Пистолет Стечкина дает много различных возможностей для ведения боя. Можно отстреливаться одиночными выстрелами. При длине ствола «стечкина» эти выстрелы бывают, как правило, достаточно точными, в сравнении с тем же «макаровым». Можно присоединить к пистолету кобуру и стрелять прицельно хоть одиночными выстрелами, хоть короткими очередями. Но с прицепленной кобурой оружие становится громоздким. Иногда это мешает. Особенно если имеешь привычку захватывать противника живьем, чтобы допросить. Однако не каждый решается стрелять с руки, без приклада, в автоматическом режиме. Сохно порой позволял себе и это, зная, что кисть его иногда, если назрела насущная необходимость, может стать «железной», и направление стрельбы выдержит.

Подполковник осмотрелся, пытаясь использовать малейшую возможность для эффективности своих будущих действий. Есть, оказывается, такая возможность – так же незаметно сместиться еще на пару метров в сторону, за большой, неровный камень. Мысль он тут же воплотил в жизнь. Хорошо бы вообще вбок зайти. Но переползать еще дальше – рискованно. Там на протяжении десятка метров камни плоские, не скроют его полностью, и противник, заметив передвижение, определит новое месторасположение Сохно. Лучше уж атаковать прямо с этого места. Да и наблюдать отсюда можно, выжидая удобный момент.

Переводя дыхание, Сохно ощупал грудь – то место на бронежилете, куда ударила пуля. Вот она! Расплющилась, и застряла в обшивке. Легкое напряжение пальцев, и можно вытащить. Он вытащил и рассмотрел – сплюснутый кусок свинца. Без рубашки из тугоплавких добавок. Просто свинец... То есть не боевой патрон. Что это? Не из дробовика же, в самом-то деле, в него стреляли? Не бывает дробовиков с таким длинным стволом... А по весу... Эта пуля в два раза тяжелее любой пули армейского образца. Из чего же все-таки стреляли?..

Недоумевая, Сохно опять выглянул сбоку, с уровня земли, почти из-под камня. Солнце ему в спину светит, и не блеснет на окулярах бинокля, следовательно, смотреть можно, не слишком опасаясь возможности выдать себя.

Что сейчас должен думать противник?

Он, должно быть, видел, что попал в Сохно. С такого расстояния трудно не заметить... И знает, что не убил, потому что убитые, получив пулю, обычно не скачут с камня на камень, как это делал подполковник. Может предположить, что ранил. И чего ждет? Ждет, когда Сохно высунется? И долго так ждать будет? Хватит терпения? Нет... Естественнее выглядит другое... Противник ждет просто на всякий случай... Он думает, что выстрел был удачным и он подполковника ранил. И теперь тот лежит там, за камнями, не в состоянии пошевелиться. Значит, стоит чуть-чуть подождать момента, когда неизвестный стрелок высунется... Да... Длинный ствол за камнем зашевелился... Человек встает неуверенно, настороженно... И одновременно с этим вставанием поднимается ствол «стечкина» в руках спецназовца. Вслепую поднимается,

¹¹ АПС – автоматический пистолет Стечкина. Двадцатизарядный магазин, возможность вести автоматический огонь. Для прицельной стрельбы жесткая кобура может использоваться в качестве приклада. Состоит на вооружении спецназа ГРУ и других спецподразделений. Считается очень надежным оружием. В настоящее время снят с производства, но все еще находится на вооружении.

без прицеливания, потому что сам спецназовец окуляры бинокля от глаз не отрывает. Но Сохно не на лицо бинокль навел, а на оружие – естественное любопытство опытного бойца... И внутренне ахнул! И только потом перевел взгляд на лицо. Перед ним был седобородый старик, вооруженный каким-то старинным, может быть, даже кремниевым ружьем. Одет в обыкновенную кожаную куртку, какие носят сейчас все, но на голове все же настоящая лохматая шапка – принадлежность кавказского костюма. Достойный противник, нечего сказать... Тем не менее возраст не помешал ему добраться сюда и устроить на спецназовца засаду. И даже выстрелить точно. Если бы не бронежилет, неизвестно, кому пришлось бы хоронить подполковника Сохно...

Старик довольно ловко стал перебираться от камня к камню, мудро выбирая при этом не прямой путь, а такой, который давал ему возможность в случае опасности сразу отпрыгнуть за любой из больших валунов. Но в месте, где подполковник «упал», сам спрятавшись, старик никого не обнаружил, и разочарованно выпрямился. И эта поза разочарования и расслабления, не готовности к неприятностям, оказалась сигнальной для Сохно. Быстро и бесшумно он проскочил за спину старику.

– Вы кого-то потеряли? – спросил с уважением и смирением в голосе.

Старик медленно повернулся не телом, а только головой, и спокойно рассмотрел подполковника. Осмотр, казалось, слегка удивил старика.

– Ты кто? – спросил он, даже не глядя на «стечкин», уставившийся ему в живот. Но ружье не поднял.

– Разрешите представиться... Подполковник Сохно, спецназ ГРУ.

– Так это я в тебя, сынок, стрелял?... – в голосе, казалось, появились нотки растерянности. – Как же ты выжил?... Я же видел, что попал...

– Попали, – согласился Сохно. – Теперь моя очередь попасть. Учтите, промахиваться я почти не умею. Не обучен. И потому ружье поднимать не советую. И вообще, на случай собственной же безопасности, отложите его в сторону.

Старик просьбу выполнил. Ружье легло на камень.

– Может быть, и вы представитесь?

– Представлюсь, – сказал старик. – Полковник в отставке Казбек Рамазанов.

2

Зелимхан обернулся на стук в дверь.

– К вам, эмир...

Начальник разведки Кадыр пришел вместе с охранником, и взмахом руки остановил того, не дав доложить полностью. Зачем докладывать, когда и так ясно, кто пришел. Зелимхан знаком же подтвердил, чтобы охранник молчал.

Даже начальнику разведки, когда-то однокласснику Зелимхана, не разрешалось заходить в землянку к эмиру одному, без пристрастного пригляда. При этом второй охранник, опустив предохранитель автомата в режим автоматического огня, оставался на всякий случай всегда за дверью и готов был на любой подозрительный звук или крик изнутри или из лагеря среагировать и подстраховать напарника. Такие меры безопасности Кашаев считал необходимыми. Вообще уже пару лет, как Зелимхан остается наедине только с братом или с женщинами. С тех пор, как федералы начали на него большую охоту, а он, в отместку за это, любой террористический акт и даже техногенную катастрофу, произошедшую в любой точке России, вплоть до Дальнего востока и Камчатки, брал на свой счет, заявляя, что это его рук дело, и радуясь, что доставляет врагам столько хлопот одним только своим заявлением, которое, конечно же, будут многократно проверять и перепроверять, и тратить на это немалые средства, вместо того чтобы тратить их на поимку его, Зелимхана.

Но и тогда, когда в землянке брат или женщина, два охранника обязательно караулят за дверью и прислушиваются к каждому звуку. Если брату Алимхану старший Кашаев доверяет полностью, то ни одной женщине, кроме жены, живущей с детьми постоянно в Эмиратах, он довериться не может. Тем более таким, которых приводят к нему. Пленницами Зелимхан брезгует. Мало ли каких шалав могут привезти для развлечения моджахедов... Он довольствуется другими. Этих тоже не по собственной воле приводят. А потом, когда эмир распорядится, их отправляют в «черный батальон», там обрабатывают пару месяцев, учат уму-разуму, и дальше дорога только одна – пояс шахидки, и взрыв в каком-то российском городе или по дороге в российский город. Лучше, если это будет в поезде или даже в самолете, хотя в самолеты со взрывчаткой проходить стало слишком сложно.

Такой порядок охраны завел именно Алимхан. Использовал свой небогатый опыт службы лейтенантом девятого главного управления КГБ. Он охранять умел – все сотрудники «девятки», прежде чем приступить к службе, проходили сложную и интенсивную подготовку. Алимхан и охранников для брата сам подбирал. И обучал их службе и рукопашному бою, в котором сравниться с ним никто не мог, даже Зелимхан. И сам же мирился с неудобствами, собственным примером показывая, что с ними и другие мириться обязаны.

– Есть новости? – спросил Зелимхан, вставая.

– Разведчики пришли. – Кадыр ответил, как и полагается разговаривать в присутствии охранника-араба, по-чеченски. – Есть одно сообщение, которое тебя может заинтересовать. Позвать?

– Они чем занимались?

– Я посылал. Общая обстановка...

– Не сильно наследили? Столько снега навалило.

Кадыр усмехнулся:

– Летать по воздуху, к сожалению, не научились. Но шли в снегопад. В самых опасных участках следы должно засыпать. Они парни опытные, хотя и молодые. Воюют, считай, с пеленок, и другого дела знать не хотят...

– Вместе шли?

– Нет. Один, через час другой.

Зелимхан поморщился, показывая свое неодобрение.

– Плохо. Лучше бы вышли раньше. И шли вместе. В четыре глаза по сторонам смотреть лучше.

– Они опытные... – успокаивающим тоном повторил Кадыр. – Если что, заметили бы...

– Не все и не всех заметишь. «Волкодавы» по горам не с флагами разгуливают... Что за сведения?

– Сам послушай... Я не в курсе всех твоих дел полностью... Может, это тебе что-то подскажет...

– Они принесли одинаковые сведения?

– Нет. Есть, кажется, интересное для тебя и у того, и у другого... Впрочем, второй – это тоже тебя касается, но это уже, скорее, моя забота...

– Что там?

– Один старик, Казбек Рамазанов, объявил тебя своим «кровником». Ему уже больше восьмидесяти. Всерьез это воспринимать нельзя, но, чтобы не возникало повторений, с ним придется разобраться. Демонстративно научить. Кроме того, у старика есть и сыновья. Они в России. Коммерсанты. Придется и их тоже доставать.

Теперь Зелимхан усмехнулся почти весело. Его уже много раз объявляли «кровником», но восьмидесятилетний старик – это даже забавно...

– Что я ему сделал?

– К тебе приводили его младшую дочь.

– Понятно... И где она сейчас?

– Ее отправили, как обычно, в батальон «черных вдов». Она сбежала быстро, не успели «подготовить»¹²... По дороге ее перехватили, побаловались с ней в наказание, и пристрелили.

– Ладно, этого парня мне слушать не обязательно. Оставь его себе. А второй?

Кадыр сделал серьезное лицо.

– А второго послушай... Он общался с друзьями из джамаата Тахира Дуташева. Хорошо иметь друзей даже там. Но я не все понял из рассказа. Есть какие-то тонкости, которые, может быть, ты поймешь.

– Ладно, зови.

Кадыр открыл дверь, вышел, не закрывая, и крикнул кого-то. Слышно было, как торопливо застучали по ступенькам каблуки. Все знают, что эмир не любит ждать, и потому на зов являются моментально.

Зелимхан осмотрел разведчика с ног до головы. Молод. Судя по глазам, даже весел, хотя веселиться пока не от чего. Но заметно, что энергия из парня так и прет – подвижный. Наверное, в деле хорош.

– Рассказывай.

– Я разговаривал с парнями из джамаата эмира Дуташева... – парень и в самом деле боевой. Смущения не чувствует, не то, что большинство, с кем доводится Зелимхану разговаривать. С одной стороны, это плохо, но, в общем-то, и такие люди Кашаеву нужны. Надо получше присмотреться к этому парню и подумать, как использовать его уже без Кадыра.

– Они знают, где ты служишь?

Парень широко улыбнулся наивности вопроса.

– Нет, эмир. Никто не знает, кроме отца. А так... Слухи разные ходят. Говорят, что я с какими-то московскими парнями связан. Их поручения выполняю. Я не отрицаю, но и ничего не рассказываю. Я даже, кажется, сам этому начинаю верить. Иначе я ничего собрать бы не мог. А эти парни звали меня к Дуташеву. Золотые горы обещали.

Зелимхан повернулся к очагу и скрестил руки на груди. Минуту подумал. Неплохо было бы иметь в окружении Дуташева своего человека. Это тоже стоит обсудить с Кадыром. Несговорчивого соперника давно пора к рукам прибрать.

– Где он сам сейчас находится?

– Он в Грузии, лечится в госпитале ихнего Министерства безопасности. Его два раза ранили нынешним летом. Здесь долечиться не успел. Правда, говорят, скоро здесь будет. Когда – никто не знает.

– Ранили... Дважды... Плохо стреляют. – Зелимхан сердито глянул на Кадыра, словно тот виноват в том, что эмир-соперник все еще жив. – Убили бы, и многих проблем не стало... Так что ты, согласился? – снова повернулся Кашаев к разведчику.

– Я обещал подумать до лета, когда эмир Тахир вернется. Но они звали меня с собой сейчас. В Грозный... Говорят, Дуташев раньше вернется... А сейчас им Дуташев задание дал. Обещал хорошо заплатить, если сделают... Я сказал, что, может быть, присоединюсь к ним. Через неделю.

– Как найдешь?

– У нас есть общие друзья в Грозном. Через них. Они людей предупредят, и меня будут ждать.

– Как Дуташев дает задания, если он в Грузии?

– По телефону. У парней есть спутниковая трубка.

– Хорошо живут. Номер знаешь?

– Конечно, эмир. Плохой бы я был разведчик, если бы не узнал номер.

¹² Для так называемой «подготовки» будущих «черных вдов» пичкают наркотиками, подавляющими волю.

– Какой?

– Я записал, – вмешался в разговор Кадыр. – И номер парней, и номер Дуташева. Он оба номера узнал. Молодец.

– Как узнал номер Дуташева?

– Попросил трубку. Посмотреть. Удивление разыграл. Будто никогда не видел. Мне объяснили, как работает, и рассказали, сколько стоит. Я еще раз удивился. Все люди любят удивлять других. Я запомнил все входящие звонки. Там всего два номера. Дуташев и его человек в Ханкале...

– Человек в Ханкале? – нахмурился Кашаев.

– Да. В военном госпитале работает. Говорят, в Грозном и в Ханкале у эмира Тахира много людей. Он всем платит...

– А что ему в госпитале надо? Хочет взрывать госпиталь?

– Я не знаю, эмир. У меня не было повода спросить, и не вызвать подозрения.

– Этот номер... – не договорив фразу, Зелимхан повернулся к начальнику разведки.

– Я тоже записал. Будем искать.

– Что за дела у Дуташева в Грозном. Взрывами он не балуется. И даже госпиталь взрывать не хочет. Он любит людей воровать. Но людей воровать зимой сложно. До лета пленных прятать и кормить приходится... Тогда что ему там понадобилось?

Разведчик кивнул, показывая, что понял вопрос.

– Парни говорят, что у них начинается большая охота. В Грозный сразу несколько групп поехало. Ищут кого-то, чтобы захватить.

– Кого? Выяснил?

– В том-то и дело, что они сами не знают. Между собой разговаривали, меня не стеснясь. Я так понял, что ищут человека, изменившего лицо. Он или приехал, или вот-вот приедет. Очень важный для Дуташева человек.

Зелимхан не подал вида, как сильно его заинтересовало сообщение. Более того, даже взволновало. Так взволновало, что захотелось что-то резкое сделать. Может быть, накричать на кого-то, может быть, даже ударить или застрелить. Но он всегда прекрасно собой владел. Этому его научили еще в те далекие времена, когда Зелимхан Кашаев был секретарем райкома комсомола. Сдержался и сейчас, хотя все в его джамаатах знают, что эмир на руку скор...

Но сразу определился и интерес к госпиталю. Вероятно, хороший врач-профессионал легко сможет отличить швы после косметической операции от швов после ранения. Один вопрос, таким образом, прояснен. Прояснен пока только для самого Зелимхана.

Но нельзя всем показывать свою заинтересованность.

– Дуташев хорошо платит своим людям?

– Как платит обычно, не знаю. Но в этот раз, тому, кто дело сделает, обещал обеспечить безбедную жизнь до старости. Но ему этот человек нужен живым и невредимым. Только захват и доставка в место, которое он назовет. И пристрелить обещал, если с этим человеком что-то случится.

Эмир принял решение.

– Как тебя зовут?

– Вали.

– Ты, Вали, поедешь в Грозный. Четыре часа тебе на отдых, потом выходишь... – И повернулся к Кадыру. – И ты тоже...

– Я? – Кадыр удивился.

– Я тебе объясню. Потом. Мне сейчас надо подумать.

И он сделал рукой жест, отпуская всех. По-доброму, надо бы и еще расспросить разведчика. Узнать подробности. Но Зелимхан не хотел показывать своей заинтересованности. А не

показать ее было трудно. И потому необходимо было остаться в одиночестве, чтобы успокоиться.

Все вышли, Кадыр выходил последним, и Зелимхан остановил его.

– Подожди... Подумай, кому можно передать номер трубки Дуташева. Так, чтобы его «повязали», но на нас не показали.

– Я подумаю.

Кадыр вышел, а Зелимхан снова сел на пенек к очагу и протянул к почти потухшим углям руки. В пальцах стоял холод, суставы снова ломило, и хотелось согреть ладони, чтобы ломоту изгнать. Но до времени, когда можно будет развести полный огонь, осталось еще много часов. Придется терпеть.

Человек, изменивший лицо...

Как узнал об этом Дуташев? Значит, где-то в цепочке есть предатель. Предателя следует отыскать немедленно. Пусть Кадыр хоть лбом в стенку своей землянки колотится, но предателя он должен вычислить. Иначе... Иначе плохо ему придется.

В дверь опять постучали. Вошел охранник.

– Я же сказал, что хочу подумать.

– Эмир. – Голос у охранника виноватый. Он знает, что в гневе Зелимхан бывает необуздан и неукротим. – С дальних северных постов прибежал посыльный. Там слышали выстрел.

– Доложи Кадыру. Пусть разбирается. Подними комендантский джамаат. Пусть проверят. Кадыр сам пусть проверит. Пусть сам идет... – Зелимхан откровенно занервничал, что вообще-то ему не свойственно. Но нервничал он не оттого, что с поста доложили о выстреле, а от разговора с разведчиком-мальчишкой.

3

– Саша... – Доктор Смерть позвал Басаргина с кухни, где командир заваривал на всех кофе.

Офис российского антитеррористического бюро Интерпола, чтобы не привлекать лишнего внимания, располагался в жилой квартире, официально принадлежащей семье Басаргинных вместе с соседней квартирой, расположенной через стену, где Басаргины и жили. От подъезда небольшой, в пять шагов, общий коридор отгораживался металлической дверью. И чаще кофе для сотрудников заваривала жена Басаргина – Александра. Чтобы не путать мужа с женой по имени, своего командира сотрудники бюро звали Сашей, а его жену Саней. В отсутствие жены часть ее обязанностей выполнял глава семьи, когда он бывал занят, стюардом становился любой из сотрудников.

Басаргин появился на зов с подносом в руках. Поставил на свой стол, а сам сразу подошел к компьютеру.

– К экстрасенсам и ясновидящим я, как всякий врач, всегда относился с недоверием, но ты все-таки – провидец, – сказал Доктор Смерть. – Отпечатки пальцев убитого совпали с отпечатками, оставленными в гостиничном номере. Но, как ты и предположил, не совпали с отпечатками в нашем досье из картотеки ФСБ. Фотография в документах, хотя и имеет отдаленное сходство с фотографией из досье, все же не была идентифицирована.

– То есть теперь мы имеем основания утверждать... – задумчиво сказал со своего места Андрей Тобако.

– Да, мы имеем основания утверждать, – продолжил за него Александр, – что в гостинице по подложным документам проживал кто-то, отдаленно напоминающий, очевидно, Алимхана Абдуловича Кашаева, но не он сам. А вот стал этот человек жертвой специалистов по торговле ненужным оружием из российских спецслужб или же он пал во имя спасения настоящего Алимхана Абдуловича от преследования законом – это нам и предстоит выяснить, чтобы выр-

чить тех же самых специалистов-соотечественников из сложного положения, в которое они попали. Я думаю, что ни у кого из присутствующих эта цель не вызовет противной реакции...

– Это все выясняет следствие в Саудовской Аравии, – сказал «маленький капитан». – Я был бы не против туда съездить, чтобы помочь следствию по возможности выполнить и задачу, поставленную перед личным составом нашим руководством. – Пулат слегка поклонился в сторону Басаргина.

– Ну уж, нет! Без меня тебя тоже арестуют и в чем-нибудь обвинят, – категорично заявил Ангел. – Ты выглядишь слишком подозрительно. Если ехать, так вдвоем.

– Почему же я выгляжу подозрительно, скажи мне, добрый человек? – «маленький капитан» искренне удивился.

– Очень интересуешься всякой проходящей мимо женщиной. А там, где господствует чадра, подобное никогда не поощрялось и не поощряется.

– Мужики... Вы же не коммерсанты, чтобы ездить в Саудовскую Аравию. Туда народ только за дешевым товаром гоняет, – рассудил Доктор Смерть. – Вы на месте проводите следственные мероприятия. Хотя бы для того, чтобы снять обвинения с соотечественников. А если повезет, никто не будет вас осуждать, когда вы поймаете этого Алимхана.

– А что наш командир скажет относительно необходимости и возможности такой поездки? – поинтересовался Сохатый, так и не притронувшийся к кофе. Он кофе всегда предпочитал пить холодным или хотя бы слегка остывшим.

Вопрос вывел Басаргина из задумчивости.

– Командир не видит в этом необходимости, следовательно ничего не скажет о возможности. Там работает бюро нашей организации, и у нас нет оснований говорить, будто они не справляются с поставленными задачами. А у нас задача чуть-чуть другая.

– Какая? – спросил Зураб из своего любимого угла.

– Доктор сейчас запросит все подробнейшие данные на документы убитого. Все. Вплоть до анализа бумаги. Пусть постараются выжать из этого, что можно.

– Я запрошу, – согласился Доктор Смерть, но, слушая командира, сразу отправлять запрос не стал, ожидая продолжения.

– И нам необходимо отследить, откуда у них «ноги выросли». То есть Зурабу придется выехать в Чечню, потому как естественно предположить, что документы делались там, поскольку там основная среда обитания братьев Кашаевых. Задача простая – выяснить не только, где и каким путем эти документы были сделаны, но и прояснить, что за человек под ними жил. Это может дать какой-то след в поисках самого Алимхана Абдуловича, и мы имеем возможность помочь саудовскому следствию таким образом.

Басаргин выдержал паузу и для этого прошелся по кабинету от двери до окна и обратно. Любимое его занятие во время раздумий.

– Тут прозвучала фраза про «потерявшего лицо»...

– Ты же это и сказал, – уточнил Тобако.

– Может быть... Я думаю, что мы наблюдаем один из признаков близкого завершения боевой и террористической карьеры братьев Кашаевых. Старший примет участие в мероприятии чуть позже. То есть и он «потеряет» свое лицо. И обретет новое. Незнаваемое для правосудия... Доктор, в дополнение к предыдущему, отправь запрос о контроле за клиниками пластической хирургии. Может быть, есть там что-то, что может нас заинтересовать...

– Такой контроль осуществляется не Интерполом, а Министерствами внутренних дел каждой страны, – сказал Доктор. – Я, к сожалению, не имею возможности отправить им всем запросы...

– Я знаю, – согласился Басаргин. – Министерства внутренних дел осуществляют контроль только по документам. Но Интерпол осуществляет такой же контроль негласно, в том числе и

за частными клиниками. И даже имеет базу данных на врачей, имеющих склонность работать подпольно. Это я знаю точно.

– А нам что делать? – спросил Ангел.

– А всем остальным искать связи и пути для проверки всех неординарных случаев в клиниках на территории бывшего Советского Союза.

– Ты предполагаешь, что Алимхан Кашаев сменил внешность, и для полного своего исчезновения подготовил убийство двойника?

– Опыт нацистских преступников... Тщательно просчитанный и опробованный во множестве вариантов... Это изучалось в высшей школе КГБ, которую Алимхан Абдулович заканчивал, как и я, в свое время. Он должен хорошо помнить, как убираются следы и как эти следы ищутся, как пустить поисковиков по ложному следу, и как отличить ложный след от настоящего. Такая школа остается в человеке на всю жизнь. И потому младший Кашаев ни в коем случае не удовлетворится простой сменой документов, потому что отлично знает, насколько это слабое прикрытие. К тому же, если его личность и внешность мало известны в широких кругах, этого нельзя сказать о его одиозном брате, а Алимхан Абдулович, я думаю, одновременно прокладывает дорогу и для брата. При этом можно предвидеть, какие шаги Алимхан Абдулович предпримет, чтобы существовать с новым лицом совсем неплохо и, естественно, безбедно. Если это кому-то кроме меня интересно, я могу разжевать ситуацию и положить любопытному в рот...

Басаргин оглядел своих сотрудников.

– Продолжай, мы с удовольствием послушаем умного человека, – милостиво разрешил Доктор Смерть.

– Так вот, я не думаю, что братья Кашаевы, так долго занимаясь не только террористической деятельностью, но, между делом, и банальным бандитским промыслом, тратили все захваченные средства на свою так называемую борьбу. Пусть она и считается трижды священной. Они, несомненно, не забывали о своем кармане, то бишь, о своем банковском счете.

– Данные об этом есть обширные, – подал голос из угла Зураб, лучше других знающий обстановку в республике. – Кашаев много раз пытался взять под свой контроль всю подпитку от международных террористических центров, и по этому поводу до сих пор воюет время от времени с другим полевым командиром – Тахиром Дуташевым, который стремится к тому же. В общей сложности, по неофициальным подсчетам, через руки Зелимхана Кашаева прошло около ста миллионов долларов. Все они были выделены целевым назначением, но далеко не все были потрачены так, как это писалось в его отчетах, и Зелимхану не однажды предъявлялись по этому поводу претензии. Вообще у Кашаева есть характерная черта в работе. Отправляя группу на серьезный террористический акт, он уже списывает ее «в расход». Часто и задача ставится такая, и даже условия создаются такие, что группа в результате гибнет. Не погибнув, она не может выполнить задание. Естественно, за частичный результат вознаграждения никакого быть не может. И потому террористы вынужденно рискуют. Обычно, по условиям договора, в случае гибели исполнителя, вознаграждение получают его родственники, которые определяются заранее. Зелимхан выплачивал вознаграждение родственникам. Но очень оригинально. Если разговор шел, к примеру, о двух-трех или четырех тысячах долларов, то он выплачивал родственникам две-три или четыре тысячи рублей. И всегда долго тянул с выплатой сумм тем исполнителям, которые остались живы. Ему, похоже, физически больно расставаться с деньгами, которые уже попали в его руки. Даже с чужими. Я помню, как ходили слухи, что он эти суммы просто «прокручивает», удваивая и утраивая, чтобы и самому не остаться ни с чем. И даже искали, где такие суммы можно быстро обернуть в Чечне, чтобы ухватить Кашаева за «хвост». Есть подозрения, что деньги вкладывались в наркотики. Это самый быстрый и самый верный способ. Да и сам Зелимхан не однажды заявлял, что наводнит Россию наркотиками, чтобы дети русских вымерли, оставив престарелых матерей и отцов плакать на их могилах.

Басаргин кивнул.

– Исходя из этого, – сделал вывод Доктор Смерть, – мне предстоит послать запрос о всех относительно заметных перечислениях валютных сумм, осуществленных этническими чеченцами хотя бы в последние полгода. Полгода – это последний известный нам срок, когда в Чечне видели Алимхана Абдуловича Кашаева. Контролировать необходимо все серьезные банки мира. Вот уж задача для Интерпола, так задача! Они обязательно поднимут все финансовые бумаги, засадят за их изучение сто пятьдесят тысяч сотрудников и выдадут нам готовый материал...

– Это действительно сложная задача, – согласился Басаргин, не желая замечать иронию Доктора, – но не настолько глобальная, как тебе кажется. Нас должны интересовать счета, где фигурируют хотя бы несколько десятков миллионов долларов. Таких банковских операций много быть не могло. Я думаю, стоит попробовать. По крайней мере это шанс, который упускать нельзя. И этот шанс позволит нам определить хотя бы приблизительно регион, где следует сконцентрировать внимание на пластических хирургах...

– О-хо-хо... – вздохнул Доктор Смерть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

– И, значит, вооружившись этим ружьем, вы, полковник, пытаетесь сделать то, что уже много лет не могут сделать федеральные силы, включающие в себя много высококлассных специалистов... – уважая старика, ветерана войны, бывшего батальонного разведчика, Сохно говорил без улыбки и даже с некоторым нарочитым восхищением. – Ну хоть бы автомат приобрели. В здешних краях это не проблема. А то – такое ружье.

– С этим ружьем еще мой дед воевал. И оно ни разу его не подводило. И меня не подводит. Если бы ты не напаяли на себя эту штуку, – палец ткнул в бронежилет, – то...

– Для того я и напаяли, чтобы живым остаться. И на Зелимхане такой же может оказаться. Что тогда будете делать, полковник?

– А на этот случай у меня есть кинжал.

– Тоже дедовский? – улыбнулся Сохно.

Но улыбнулся совсем незаметно. На его довольно неулыбчивой физиономии, изрисованной несколькими заметными шрамами, украшенной неаккуратно сломанным носом, любая радость выглядит для окружающих слегка угрожающе, и, зная это, подполковник улыбается только среди друзей, к такому давно привычных.

– Нет, что ты, сынок. Этот кинжал совсем старый... Я и не знаю, кто из предков в первый раз прицепил его к поясу. Сейчас такие не делают.

Полковник Рамазанов вытащил из-под куртки кинжал вместе с ножнами. Должно быть, подходящего случаю старинного пояса у старика не было, а к простому современному прицеплять этот кинжал он не захотел.

Сохно взял оружие в руки, обнажил клинок и попробовал остро отточенное лезвие. Потом постучал по металлу ногтем, слушая звук, и хмыкнул еще раз. Любопытство свое подполковник привык удовлетворять, а его любопытство очень возбудилось от вида несимметричных, словно бы случайно нанесенных темных, будто черненных полосок. Для проверки своей мысли он вытащил из-за спины свой боевой нож и ударил лезвием о лезвие. Сталь звонко вскрикнула.

– Ой-е... – вскрикнул и подполковник, обнаружив на лезвии своего ножа из современной высоколегированной стали зазубрины и не обнаружив таких зазубрин на старинном кинжале.

Отставной полковник остался доволен результатом осмотра и реакцией подполковника:

– Я же говорю, это ценный кинжал. Сейчас таких не делают. Булат.

– Это не совсем булат, – поправил Сохно. – У булата рисунок сплава не такой. Линии вдвое мельче. Это – харлуг.

– Что такое – харлуг? – недоуменно спросил Рамазанов.

– Булат выплавляют. Булатная сталь – обыкновенная сталь с большим содержанием углерода. Только мало кто знает пропорции, без которых булат не сварить. А харлуг делают иначе. Берут полоски простой стали и полоски углеродистой, нагревают, переплетают косичкой, а потом расковывают. И получается аналог булата...

– Ты хорошо разбираешься в оружии, – одобрительно сказал отставной полковник. – Может быть, посидим, передохнем? Я не привык так быстро ходить. Сейчас не те силы, что были раньше... Раньше я над усталостью сам смеялся, а теперь, как видишь, она смеется надо мной...

Сохно глянул на часы.

– Идти немного осталось. С меня командир голову вместе с шапкой снимет. Я должен был давно вернуться. Трудно, полковник?

– Тогда, пойдем. Твоя голова тебе еще сгодится...

Тропа в снежной целине, проложенная не так давно Сохно, все-таки не давала возможности идти ходко. Всего-то дважды прошел – туда и обратно. И если подполковник, даже взяв на себя обязанность идти ведущим и старательно протаптывать снег для идущего следом Казбека Рамазанова, усталости не чувствовал, то отставной полковник дышал заметно тяжело и давно отстал бы, если бы Сохно не передвигался для себя непростительно медленно. Но сам Сохно при этом прекрасно осознавал, что когда человеку переваливает за восемьдесят, простой выход в горы можно считать для него подвигом. А этот выход совсем не простой...

В наушнике «подснежника» послышалось потрескивание, похожее на шуршание.

– Наконец-то, – обрадовался Сохно и поправил около рта микрофон. – Рапсодия! Я – Бандит... Как слышишь?

– Слышу, Бандит... Что у тебя там был за выстрел?

– Расскажу... Иду с пополнением...

– С каким еще пополнением? Откуда?..

– Одного знакомого полковника встретил, – Сохно обернулся и кивнул через плечо Рамазанову, подбадривая. Тот дышал совсем тяжело, и увесистый пастуший посох стал, похоже, для старика не помощником, а нелегким грузом.

– Не понял... – сказал Согрин.

– Долго рассказывать.

– Полковник с группой?

– Нет. Один...

– Совсем не понял...

– Скоро расскажу... Он сам расскажет... – Сохно еще раз обернулся. – Ему трудно идти. Не теряйте нас, мы передохнем...

– Ранен?

– Нет. Просто устал. Это не сложно, когда тебе за восемьдесят.

– Кому за восемьдесят? – спросил Кордебалет. – Тебе?

– Моему полковнику... Остановимся, полковник. Командир не возражает против привала.

– Не возражаю, – согласился Согрин. – Я сам тебе хотел сказать, чтобы дожидался нас на месте. Нас снимают с поиска!

– Как – снимают? – Сохно бросил на Рамазанова новый взгляд.

Значит, обстоятельства меняются, и совместная охота на Зелимхана Кашаева отменяется. Сохно почему-то было жалко бросать в горах хорошего немолодого человека, обрекающего себя на обязательную гибель без помощи спецназовцев. Бросать, и никак не пытаться его защитить, как он намеревался было.

– Элементарно. Зачем-то мы понадобились в Москве. Туда вызывают.

– Хотя бы недельку еще выпросил. Мы никогда к Кашаеву так близко не подбирались.

– Ты думаешь, я не просил? Но приказ категоричный. В РОШе даже не знают, чем это вызвано. Для них уничтожение Кашаева – предел мечтаний и куча орденов. Может быть, хоть кем-то заменят. Группа Разина должна прибыть с отдыха. Соображай, что можно передать по наследству.

– Ладно, мы ждем. Расскажите на месте.

Связь опять пропала. Горы экранируют...

Сохно уже проходил недлинный путь дважды, часть его преодолел в третий раз, и ожидал, что Согрин с Кордебалетом, даже если не будут слишком торопиться, тем не менее через час

появятся. Этот час вполне можно использовать с выгодой для себя, как подполковник и привык всегда делать. И он разлегся на сугробе между деревьями «крестом» – то есть разбросив руки и ноги как можно более широко. Это лучшая поза для отдыха и набора сил на дальнейшее.

Отставной полковник сел проще, прислонившись спиной к дереву, и, поглаживая холодный ствол своего длинноствольного ружья, словно согревая его и лаская. И даже глаза закрыл, изображая спокойствие и невозмутимость, и тем не менее его старческая грудь под курткой заметно шевелилась. Дыхание восстанавливалось трудно, как ни старался гордый старик это скрыть.

Сохно не стал раньше времени расстраивать Рамазанова сообщением о том, что их отдельную мобильную группу по неизвестной причине снимают с перспективного маршрута. Конечно, он не уйдет со спецназовцами. Не для того забирался так далеко в горные леса, чтобы бросить свою задумку только оттого, что случайные союзники вынужденно оставляют его одного. Да он и не сможет идти так, как они привыкли ходить. И им самим такая обуза ни к чему. Но и оставлять боевого полковника здесь на погибель – от этого чувствовать себя лучше не будешь.

Именно на гибель. Иного не дано. Хотя старик погибать вроде бы и не намеревается. Он думает, что успеет подобраться к Зелимхану Кашаеву на дистанцию выстрела. И надеется не промахнуться. Остальное Казбека Рамазанова вообще не интересует. Возвращаться он, может быть, и не собирается. Для него главное – сделать дело, то есть выполнить долг «кровника». Наивный... Если даже такая группа, как трое опытейших спецназовцев, всю сознательную жизнь войне посвятивших, на подобное дело не пойдут, как на безнадежное, то что же говорить о нем.

Сохно лежал с закрытыми глазами, но, конечно же, не спал, хотя имеет навык моментального засыпания, когда организму необходимо срочно отдохнуть. И не то чтобы он не доверял старику. Сохно сам проснулся бы от первого близкого скрипа снега под чьей-то ногой. А без скрипа по снегу ходить практически невозможно. Просто сон к организму, настроенному на большие нагрузки, не шел.

Отпущенный на дорогу час прошел. Сохно почувствовал это, но на всякий случай и на часы посмотрел. Точно – ровно час. А нет пока никакого звука приближающихся шагов, как нет и связи. Он сел и осмотрелся. Отставной полковник, казалось, так же дремал, прислонившись спиной к стволу сосны. Но только подполковник встал, как тот открыл глаза и огладил бороду.

– Что-то долго добирается твой командир...

Сохно внешне никак не проявил озабоченности или беспокойства, только поправил на себе амуницию, словно приготовился к чему-то. Он и в самом деле приготовился, хотя сам не сразу это осознал.

– Я думаю, что он и не добирается. Иначе он давно был бы здесь. Он готовится принять бой.

– С кем? С бандитами? – отставной полковник встал. – Да... Здесь уже близко люди Зелимхана... До ближайшего поста около километра.

– Там слышали ваш выстрел... Пришли посмотреть...

– Что будем делать?

– Я должен быть рядом с ними.

– А я?

– Вам бы я посоветовал воспользоваться заварушкой и обойти нас стороной. Тогда вы попадете к базе Кашаева между постами и основными силами. Мы отвлечем внимание на себя.

– Ты дело говоришь. Скоро темнеть начнет. Одному там пройти можно, – инстинкт разведчика, хотя и бывшего, заставил старика мыслить правильно. – Тогда – прощай. Мы можем больше и не увидаться.

– Прощайте, полковник...

2

– И что? По домам? – выйдя во двор и уже взявшись за ручку дверцы машины, спросил подполковник Хожаев.

Они только что прослушали допрос хозяйки квартиры, из которой стрелял снайпер, и ее старшего сына, а заодно и мужа, мало что сообщившего о недавнем происшествии, вогнавшем всю семью в такой страх, что взрослые сейчас думали только о том, как, каким образом и куда уехать из Грозного, готовые бросить и квартиру, и работу, готовые детей из школы сорвать в разгар учебного года – только бы спастись от угрозы с любой стороны. «Фээсбэшники» и сами, одновременно с ментами, задали несколько сопутствующих вопросов. Допрос закончился, хозяйку и сына увезли менты, чтобы сделать с их помощью фотороботы преступников, которые, как ни странно, и не стремились свои лица скрыть. В квартире остался только глава семейства, которому менты обещали жену и сына обязательно доставить назад на машине. Если так настойчиво обещают, то сделают это только утром, после окончания комендантского часа, если вообще сделают – это знали все.

«Уазик» республиканского управления ФСБ остался у подъезда один. Хожаев ждал ответа капитана, а тот задумался.

– Я бы предпочел все же в госпиталь вернуться, – сказал наконец Трапезников.

Подполковник вздохнул демонстративно. И за что, дескать, ему такая доля досталась – с прикомандированными возиться. Каждый прикомандированный приезжает сюда на короткий промежуток времени и старается в этот промежуток вместить работу гораздо большую, чем помещается в тот же промежуток, ограниченный обычным рабочим днем. Отдыхать они дома любят. И в общежитии сидеть не хочется – скучно, и соседи, бывает, попадаются надоедливые. Потому и рвутся работать, работать и работать. А у Хожаева дома семья, дети, с которыми тоже стоит сейчас больше времени проводить, чтобы потом волками не выросли.

– А что в госпитале? Думаешь, что-то там будет?

– Поговорю, – капитан ответил уклончиво, сам, похоже, не зная толком, что будет там делать. – Подумаю. Может быть, больной с помощью врачей в себя придет. Тогда его сразу надо в управление доставлять.

Он тоже знал понаслышке о стремлении местных кадров к размеренной жизни и службе, и потому ленивому настроению подполковника не удивился.

– Ладно, так сделаем, – решил Хожаев как старший по званию. – Я тебя завезу, и пока ты там говоришь и думаешь, меня до дома добrosят. Будет что интересное, звони. Машина за тобой закреплена до утра. Надо будет, за мной пошлешь. Я дежурного предупрежу. Спать захочешь, тебя тоже отвезут.

Госпиталь рядом, но чтобы проехать к нему, следует большой круг сделать. Да еще большая часть круга проходит по разбитой и присыпанной снегом дороге. А потом Хожаеву еще из Ханкалы в Грозный добираться. И машине, где останется один водитель, по вечернему городу ехать. Впрочем, до комендантского часа еще далеко, а до этого времени езда считается почти безопасной. Боевики и террористы караулят в темноте те машины, которые ездят во время комендантского часа, следовательно, имеют спецпропуск и относятся к силовым местным, федеральным или просто местным административным структурам. В тех и в других стреляют с одинаковой охотой. И стреляют частенько. Пулю можно ждать из любых развалин. Потому и не поощряется ночная езда без надобности.

«Уазик» остановился у ворот госпиталя. В вечернее время, памятуя режим безопасности, там пришлось долго объяснять, что капитану Трапезникову здесь надо и вообще кто он такой. Служебное удостоверение личности не произвело впечатления, потому что такими удостоверениями боевики и террористы сплошь и рядом козыряют. Пришлось и самому подполковнику

машину покинуть, чтобы подтвердить сказанное, и даже дежурному по управлению позвонить, чтобы и тот сделал незнакомых омоновцев более сговорчивыми.

Наконец, все уладили. Трапезников и Хожаев еще раз пожали друг другу руки, капитан перепрыгнул через выставленный на проезжую часть бетонный блок – ежевечерняя мера безопасности! – когда за спиной у него послышался звонок сотового телефона. Капитан обернулся. Подполковнику кто-то позвонил.

Но не успел Трапезников до дверей госпиталя дойти, когда услышал, как Хожаев окликнул его:

– Виктор! Подожди! Я с тобой!

Капитан остановился и обернулся, дожидаясь старшего опера.

– Надумали, товарищ подполковник, присоединиться? – усмехнулся Трапезников.

– Начальство, чтоб ему неладно было, позвонило. Интересуется выстрелом. Надо хотя бы знать, что докладывать. – Хожаев не смог сдержать вздоха сожаления.

На лестнице им встретился тот самый ментовский майор, что возглавлял следственную бригаду. Откровенно обрадовался, увидев фээсбэшников, невозмутимое лицо выразило надежду.

– Так что, надумали дело забирать?

– Куда нам с тобой торопиться? – охладил майорский пыл Хожаев. – После разговора с больным и решим. Я, честно говоря, боюсь, что здесь простой и банальный криминал. Между собой лаются и кусаются, и шерсть клочьями по сторонам летит. А это уже по вашей части, нам и своих дел на несколько лет бессонницы хватит.

– Для криминала пластическая операция – это слишком круто. – Лицо майора с потерей надежды быстро избавиться от бесперспективного дела, приобрело прежнюю невозмутимость.

– Вот уж не скажи. Там у вас сейчас такие деньги вертятся, что многим боевикам и не снились. Сам помнишь, месяц назад задержали простого бандюгу, и у него в карманах полторы сотни тысяч баксов.

– У этого в карманах двести десять баксов и двести восемьдесят евро. И ни одного рубля. Если бы его выкинули из машины бандюги, они обязательно вычистили бы карманы.

Мимо прошли две медсестры и прервали свой разговор, услышав упоминание о деньгах. О чужих деньгах люди всегда любят поговорить или хотя бы послушать разговор, потому что своих всем и всегда не хватает. Подполковник посмотрел на медсестер так строго, что они шаги ускорили, и чуть не бегом по лестнице заскакали. Хожаев умеет строго смотреть.

– С этими деньгами в Грозном можно полгода безбедно прожить. Если деньги не фальшивые. Если фальшивые, на три месяца хватит. Проверяли?

– Когда нам успеть. Внешне выглядят нормальными. Если фальшивка, то не чеченская. Такую только со спецаппаратурой определишь. А я такую аппаратуру с собой не ношу. В карманах не помещается... – Майор, похоже, вконец разобиделся, хотя лицо его этого и не показало, и заторопился по лестнице к выходу.

– Отпечатки скатали? – вдогонку спросил подполковник.

– Скатали. – Майор еле-еле обернулся. – Отправили на идентификацию.

– Нашим тоже отправьте, – добавил капитан Трапезников. – У нас своя картотека.

– Уже отправили и даже в Интерпол загнали. – За майором захлопнулась и снова приоткрылась от пружинящего удара дверь.

Дневальный солдат с перевязанным горлом, носящий на руке повязку с надписью «помощник дежурного», хрипло вздохнул, встал со стула и прикрыл ее. С улицы дует...

– Это будет слишком сильная нагрузка на сердце, – бесстрастностью дежурный врач может потягаться с ментовским майором. Он и сам по званию майор, только армейский, майор

медицинской службы. – Впрочем, сердце у него на поверхностный взгляд хорошее. Кардиограмму мы, конечно, не делали.

– Почему? – спросил Хожаев, мало сведущий в медицинских вопросах.

– А какая была необходимость? – вопросом на вопрос ответил врач. – Для этого больного вообще следовало бы отправить в кардиологическое отделение городской больницы. Или хотя бы в наше терапевтическое, поскольку мы своего кардиологического не имеем. Но состояние больного не внушает опасений, потому необходимости в снятии кардиограммы мы не видим.

– И все-таки, если мы разбудим его этим уколом? – поинтересовался капитан Трапезников. – Есть какая-то гарантия, что он полностью вернется в сознание? Что-то нам такое неуверенное говорил ваш заведующий отделением... О том, что больной не совсем правильно реагирует на окружающее...

– Да... Больной отвечал на вопросы что-то невнятное. Томографию мозга мы тоже не делали. Поскольку у нас такой аппаратуры нет. Но реакции зрачка на боль у него положительные. Я думаю, больному надо просто отдохнуть, а вам дожидаться, когда он придет в сознание естественным образом. Это будет надежнее и по крайней мере не нанесет вреда его здоровью.

– А если будет новое покушение? Мы даже не знаем, кто он такой, кто на него покушался, и по какой причине. Но даже вам, должно быть, известно, что просто так в людей не стреляют снайперы, которым ради одного выстрела необходимо захватить чужую заселенную квартиру и угрожать оружием женщине и ребенку. Слава Аллаху, что не убили их...

– Что может случиться с объектом вашего интереса? – невозмутимо пожал плечами врач. – Вы сами видели, какая охрана стоит вокруг госпиталя. Мы, врачи, здесь работающие, проходим с трудом и с проверкой. Вас тоже, наверное, не сразу пропустили. Снова снайпер? Это, я думаю, не так просто. К тому же кровать передвинута, свет в палате выключен, шторы задернуты.

– И все же... – капитан Трапезников настаивал.

– Хорошо. – Майор наконец согласился. – Я поставлю ему укол. Только обычную дозу кофеина. Не больше. Может быть, он проснется, может быть, не проснется... Я не знаю. Как не могу предположить, сможет ли он ответить на ваши вопросы, даже если проснется. Снотворное ему вкололи сильное, и все зависит от организма индивидуума. Как он отреагирует на кофеин – это никому не известно.

Вместе они вышли из ординаторской. Врач, приобняв за плечи, сказал что-то дежурной медсестре, сидящей за письменным столом в коридоре. Та согласно кивнула. И когда офицеры входили в палату, уже догнала их с приготовленным шприцем в руке.

На зажегшийся в палате свет больные не отреагировали. Они понимали, что после такого неординарного события, что произошло несколько часов назад, всем им беспокойства доставят еще немало.

Медсестра поколдовала над рукой, протирая ее ваткой со спиртом, и поставила укол.

– Как быстро это подействует? – спросил капитан Трапезников.

– Минута – две – пять... Я же говорю, все зависит от индивидуальных особенностей организма. Мне бы было достаточно шприц понюхать. А кому-то ведра кофеина не хватит.

Он склонился над лицом больного, поднял веко и стал ждать реакцию зрачка. Потом приложил пальцы к сонной артерии, прослушивая ее пульсацию.

– Бесполезно... Спит, как убитый... – и поправил пластырь на оторванной мочке уха. Уголок пластыря отклеился. – Ждите до утра. Я думаю, проснется часов в одиннадцать, не раньше. Лучше будет, если вы в нормальных условиях до этого времени отдохнете, а потом приедете. И вам удобнее, и нам меньше беспокойства.

– Хорошо, мы так и сделаем, – согласился подполковник Хожаев.

Капитан Трапезников вздохнул. Ему показалось, будто они с подполковником упустили какой-то важный момент...

3

Ответ из Лиона на банковский запрос пришел только вечером, когда на московских улицах уже давно стемнело и снегопад светился искрами в свете уличных фонарей. Раньше, еще в середине дня, пришел ответ по поводу документов убитого в Саудовской Аравии человека, зарегистрировавшегося в гостинице под именем Алимхана Абдуловича Кашаева. Басаргин сразу отправил в Чечню Зураба Хошиева, и Андрей Тобако, охотно исполняющий обязанности экстраодителя антитеррористического бюро, отвез товарища в аэропорт Жуковский, откуда Зураб должен был вылететь в Ханкалу. Сам Тобако в движении на колесах всегда чрезвычайно скор и потому уже успел вернуться.

– Я сегодня уже говорил, что горжусь своим командиром во всем, что касается его необыкновенных провидческих способностей, – таким образом Доктор Смерть, расшифровавший послание штаб-квартиры, глядя на экран монитора, прокомментировал полученный ответ. – Только даже ты не поверишь, откуда был произведен расчет. Ты просто не мог этого предположить.

– Откуда же, добрый человек? – невинно и кротко спросил «маленький капитан».

– А вот это-то как раз сообразить нетрудно, – не согласился с Доктором Басаргин, движением руки останавливая уже готовившееся сообщение. – Я предполагал и раньше, что деньги должны быть переведены из России.

Доктор Смерть крикнул, как удивленная гигантская утка.

– Ты, однако, чрезвычайно храбр в своих предположениях. Объяснить не пожелаешь?

– Пожелаю. И объясню.

– Мы слушаем.

Басаргин занялся обычным своим делом – стал прогуливаться от двери кабинета до окна и обратно, на ходу высказывая свои соображения.

– Все мы знаем, с каким трудом перевозятся деньги, причем небольшими партиями, в Чечню, чтобы оплатить работу террористов. Значительная часть курьеров пропадает бесследно. Около половины пропавших курьеров попадает в руки наших спецслужб, остальные – неизвестно куда. Допускается даже, что просто исчезают с чужими гораздо большими деньгами.

– Логичный ход, – прокомментировал Ангел. – Если люди воюют за деньги, они без зазрения совести возьмут их и без войны. К чему рисковать жизнью понапрасну, если можно рисковать по минимуму, умея при этом хорошо прятаться. Так?

– Так. Посмотрите недавние обзоры Интерпола, – продолжил Александр. – Там напрямую сказано, что в «Аль-Кайде» создается некоторое подобие службы собственной безопасности. Причем в эту службу специалисты «Аль-Кайды» уже пытаются завербовать в массовом порядке всех желающих сотрудников крупнейших мировых банков, и даже банков сравнительно скромных, в том числе и в России. О чем это говорит? Это говорит, что «Аль-Кайда» старается отладить действенность собственных финансовых потоков. Они ощущают, что их обкрадывают собственные же надежные и трижды проверенные люди. Если так обстоит дело в «Аль-Кайде», где достаточно высока культура деловой деятельности, я допускаю мысль, что аналогичные менее известные экстремистские организации самого разного толка сталкиваются с такими же проблемами постоянно, но не имеют возможности с этим бороться. В результате чего просто нищают.

– Это понятно, – сказал Доктор Смерть, который только на днях обсуждал с Басаргиным эту тему. – Непонятно только, откуда «растут ноги» у твоего предположения.

– Что ж тут непонятного. Насколько трудно доставить деньги в Чечню из-за границы, настолько же трудно и вывезти их оттуда за границу. Возможно даже, что многократно слож-

нее, потому что на объявленные деньги всегда найдется куча охотников, а большие суммы не могут пройти необъявленными. В Чечне, как всем известно, этот фактор следует возвести в квадрат.

– Однако большинство эмиров уводят на зиму свои джамааты за границу, – не согласился Ангел. – Или хотя бы часть джамаатов, если остальные моджахеды имеют возможность легально или нелегально провести зиму дома. Чаще, как мы знаем, нелегально. В подвалах. И именно поэтому, чем ближе к зиме, тем большим спросом в Чечне пользуются электрические обогреватели. Там, говорят, просто бум продаж начинается.

– Ну, не только поэтому, – усмехнулся Тобако. – Дома ремонтируют медленно, тепло подают в ограниченном количестве. А с электричеством пока проще. Вот и причина бума.

– Часть причины. Но джамааты все равно за границу уходят. Можно вынести и деньги, только маршруты знай. А Кашаев их знает.

– Несколько сот тысяч долларов – это без проблем, – согласился Басаргин. – Каждый год они столько уносят. Но я предупреждал Доктора, когда он составлял текст запроса, что речь должна идти о десятках миллионов долларов. А такую сумму вынести – надо бригаду носильщиков нанимать. И неужели сами моджахеды не поинтересуются, что за груз переносит их эмир? А это, как мы все понимаем, опасно. Такой человек, как Алимхан Кашаев не допустит бесспорного промаха и не станет подвергать из-за каких-то нескольких десятков миллионов баксов риску собственную жизнь и жизнь брата... Сколько, кстати, Доктор, там переведено? Тридцать один миллион?

– Тридцать один миллион долларов, – сообщил Доктор. – С некоторой мелочью...

Весь личный состав антитеррористического бюро дружно присвистнул, удивляясь не сумме, а прозорливости своего командира.

– Из Питера? – переспросил Басаргин.

Теперь присвистнул один Доктор:

– Это-то ты как просчитал?

Басаргин улыбнулся:

– Обо всем по порядку... Я еще не закончил предыдущую мысль. Итак, я пришел к выводу, что такой человек, как Алимхан Абдулович Кашаев, имея не слишком богатый опыт практической работы в «девятке», но прошедший все же основательную подготовку после окончания Высшей школы КГБ, не будет рисковать никогда. Этим он и отличается от брата. И там, где брат предпочел бы силовой метод решения проблемы, Алимхан Абдулович выберет метод наиболее действенный и безопасный. Я думаю, то, что Зелимхан Абдулович до сих пор жив и, более того, находится на свободе, – это полностью можно отнести к братской заботливости Алимхана и к его профессиональным качествам охранника. При этом охранника следует рассматривать не только как величину, заботящуюся о личной неприкосновенности брата. Охранник Алимхан Абдулович – это не телохранитель. Это полновесный руководитель службы безопасности Зелимхана Абдуловича. А в обязанности начальника службы безопасности входит, помимо обеспечения личной безопасности, еще и безопасность вся прочая, в том числе и финансовая. Алимхан хорошо учился в высшей школе КГБ. И должен помнить все вероятные схемы, используемые преступниками при отмывании денег. Эти схемы придумывались не в России и не в последние десятилетия. Здесь они только интерпретировались и использовались, но они существуют уже много десятков лет и были неоднократно опробованы. И для Алимхана Абдуловича гораздо легче и безопаснее провести такую операцию по переводу крупной суммы, чем вывозить громадные не только по сумме, но и по физическому объему наличные средства в ненадежной ситуации, с вероятными боями и при ненадежных людях, мечтающих урвать хотя бы толику от этих денег. Я ясно объясняю?

– Многословно, но, в общем-то, ясно, – сказал Тобако. – Можно было бы от общих рассуждений перейти к конкретике.

– Особенно если это касается Питера... Удовлетвори мое любопытство, – попросил Доктор.

Басаргин опять улыбнулся:

– Честно говоря, я пару месяцев назад умудрился телевизор в кои-то веки посмотреть... У нас тогда в делах затишье просматривалось. И там случайно поймал информацию, что одна питерская фирма закупила у какой-то австрийской фирмы новейшее оборудование по добыче нефти в шельфовой зоне Белого моря.

– По добыче? – переспросил Тобако. – Не поиску, а именно по добыче? И именно в Белом море?

– Вот... И тебя это смутило. И я уловил в этом естественное нарушение логики. У нас еще не развернут поиск шельфовой нефти, поскольку поиск этот очень дорогой. Государство только планирует создание международного консорциума, занимающегося поиском шельфовой нефти взамен убывающей сибирской. Проект многомиллиардный... А тут – добыча... И какой-то неизвестной фирмой. Это первое. А второе, мне сразу понравилось, что разработкой шельфовой нефти занимается австрийская фирма. Фирма страны, не имеющей своего собственного выхода в море. Где, интересно, в Австрии разрабатывать, исследовать и испытывать такое оборудование. Но, зная, как любят все путать журналисты, я решил уточнить и навел справки по своим каналам – использовал старые дружеские связи. Оказалось, журналисты ничего не напутали. Тогда я и понял, что это простое отмывание денег. Меня удивило, что такая крупная сделка прошла свободно и никого из контролирующих органов не смутила. И даже обратил на факт внимание одного своего бывшего сослуживца. Он обещал заняться вопросом, как только освободится, но так почему-то и не занялся. А потом он уехал, кажется, в полугодичную командировку в Чечню, кому-то передал поручение, этот кто-то навел справки о происхождении денег, убедился, что это был кредит, и успокоился. Успокоился и я, поскольку меня это касалось мало, а своих забот навалилось много. Сейчас я сопоставил факты. И предполагаю вариант... Кредит действительно брался, но краткосрочный, и был возвращен в самое непродолжительное время. Возвращен деньгами Зелимхана Кашаева. Наличными. А те деньги, другие, ушли на подставной счет человека, «потерявшего лицо», и обретшего новое лицо вместе с новыми документами. Я думаю, это дело стоит проверить. Андрей, ты займешься?

– Займусь, – согласился Тобако. – Я займусь прохождением денег в России. Кто-то пусть возьмет на себя их прохождение за границей. Что за фирма-получатель, какое она имеет отношение к чеченскому вопросу, если имеет вообще? И что за оборудование они в состоянии поставить?

– Это мы с Пулатом проверим, – нашел себе работу и Ангел.

– Доктор, – продолжил Басаргин, – а ты в дополнение к предыдущему запросу по поводу пластической хирургии уточни вероятное местонахождение клиники. Возможно, это Австрия или что-то рядом – Швейцария, Италия, Франция... Может быть, в Лионе есть какие-то данные на этот счет. Но здесь не должно быть никакой связи с чеченской диаспорой. Вернее, с диаспорой может быть, но не с исламистами, нашедшими там убежище. Кашаевы обязательно должны планировать выход в мир в новом качестве, совсем не воинственном.

– И почему я не смотрю телевизор, – посетовал Доктор Смерть, подергал себя за бороду и придвинул ближе клавиатуру компьютера.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

К Зелимхану прибежал вестовой. Запыхался от не короткого пути по сугробам, преодолевать которые пришлось не по прямой, а по большому кругу, как распорядился начальник разведки. Да и времени на отдых вестовому никто не отпустил. Еле дыхание перевел, начал рассказывать.

Кадыр, как и положено опытному начальнику разведки, не упустил из внимания данные об активизации действий людей эмира Дуташева, а уж об интересе федералов ему рассказывать и не надо было, сразу прикинул возможные варианты и стал действовать решительно. Соображаясь со сложной зимней обстановкой, он постарался извлечь из этой обстановки выгоду. И потому выдвинулся не парой человек из комендантского джамаата, как делается обычно, когда ситуация неясна, а сразу двумя джамаатами по десять человек. И решил одновременно обследовать два параллельных направления. По тропе, где проходили связные и оставили заметные следы, и выше, по траверсу хребта, где своим делать нечего. Второй джамаат по замыслу Кадыра должен был выйти с запасом времени, чтобы значительно опередить первый. Большая, конечно, петля, но для отдохнувших людей не проблема. Если кто-то за связными следил, то обязательно оставил свои следы на склоне. Сверху легко пересечь их, и выяснить, что это за люди, сколько их, и с какой целью появились в здешних глухих местах. А там уже, опять соображаясь с обстановкой, или весь отряд поднимать по тревоге, или действовать на свой страх и риск, быстро и решительно.

Сам Кадыр двинулся с верхним джамаатом по снежной целине, заставляя других идти так же быстро, как умеет ходить он. Но в отряде все люди тренированные, закаленные долгой войной. Их такой переход не испугал. И только в самом деле наткнувшись на следы, определив, что прошли трое, веером производя разведку, Кадыр отправил вестового к Зелимхану.

– И что он решил? – выслушав сообщение, спросил эмир.

– Он потихоньку окружает их, и хочет сбросить к нижней тропе, на второй джамаат. Тогда уже никуда не смогут уйти, и их можно будет допросить. Эмир Кадыр при этом боится, что на склоне только разведка, может быть, заслон, хотя для заслона силы слабоваты, может быть, разведка сильного заслона, а основные силы могут подходить с другой стороны, и просит вас распорядиться о поиске в других направлениях, чтобы обезопасить базу. Говорит, необходимо выставить пулеметчиков к минным полям. Если туда зайдут, можно будет всех расстрелять. А как побегут, сами взорвутся. Под снегом мины не видно.

– Та-ак...

Зелимхан, словно взбодрившись от сообщения, решительно подошел к столу, подкрутил фитиль в керосиновой лампе, чтобы ярче светила, и поправил карту. Вообще-то, по большому счету, карта ему уже и не нужна была. Он помнил всю окружающую местность наизусть, потому что загодя еще просидел над этой картой немало часов, просчитывая различные варианты защиты и отхода с возможными контрударами.

От базового лагеря ведет четыре извилистых, плохо протоптанных тропы. Эмир сам запрещал ходить по ним без надобности, чтобы не сделать тропы заметными. Одну из них сейчас контролирует сверху Кадыр. Одна из троп на протяжении пяти километров тянется по узкой горной трещине, и после снегопада полностью непроходима. Более того, она просто опасна, потому что малейшее сотрясение воздуха вызовет сход снега сверху. Это, конечно, будет не все сметающая лавина, но человека завалит по самые уши. И ползай потом по подземным ходам, которые будешь копать, а они будут за спиной обваливаться, потому что снег не

слежался, и сырой, рыхлый... Ползай, дожидаясь, когда сверху начнут еще для полного удовольствия и гранаты бросать, любясь снежными фонтанами...

Остается еще две тропы. Первая резко петляет, затем пересекает камнепад и выходит на ледник. А дальше ведет к перевалу, и потом на пересечение нескольких троп, ведущих в Грузию. Вторая самая известная, по долине тянется чуть в стороне от базового лагеря, и удобна для подхода больших сил точно так же, как и для отхода.

– Что Кадыр думает? Откуда пришли эти люди? Федералы? Парни Дуташева?

– Он думает, что это федералы. Но он еще не видел их. У Дуташева большинство людей на зимовке, отдыхают. Ему не собрать большой отряд...

Если это федералы, то тропа на перевал может быть губительной для всех джамаатов. Открытая местность. Начнешь там отступать, вызовут «вертушки», и разнесут всех в пух и прах даже ночью. Но пока до перевала доберешься, ночь кончится. Не годится...

– Эй! – прикрикнул Зелимхан.

Один из охранников находился рядом. Эмир вызвал второго.

– Собери мне эмиров всех джамаатов. Быстро!

Охранник без звука выскочил из землянки. Он не уйдет с поста. Он просто передаст команду начальнику штаба, чья землянка находится рядом. Там, вместе с начальником штаба, живут и несколько эмиров. Остальные со своими джамаатами. Собрать их – дело двух минут. Базовый лагерь не велик, и никто не покидает его пределы без необходимости.

Уж чего-чего, а добра от «волкодавов» ждать не приходится, они могут пройти по любой из троп, чтобы подобраться вплотную. И одновременно по всем подойти тоже могут, в том числе и по непроходимым. В личном составе и в амунии для сложных маршрутов у федералов проблем таких, какие есть у моджахедов, не возникает. Но и от появления маленькой группы разведчиков Зелимхан тоже не желает впадать в панику и бросать базу. Сначала необходимо разведать, что за угроза так внезапно и совсем не вовремя нависла над его джамаатами. Впрочем, относительно внезапности – это не совсем правильно. Угроза нависает постоянно, и все к ней давно привыкли. А вот что касается времени возникновения, тут уж ничего поделать нельзя. Непонятно только другое. За что Зелимхан платит большие деньги осведомителям, если его не предупредили в этот раз, как предупреждали обычно?

Боевая обстановка привычна старшему Кашаеву. Он распределил между эмирами джамаатов участки ответственности, и приказал отослать на каждую из троп по паре человек. Более того, он решил даже склоны контролировать, и на склоны тоже людей выслал. Сигнал опасности стандартный – красная ракета. И не забыл последовать совету Кадыра, поставив по паре пулеметов, в том числе и по одному крупнокалиберному, перед каждым из двух минных полей. Если федералы пожалуют на скрытое снегом минное поле, пулеметы заставят их метаться в поисках укрытия. А каждое укрытие, каждый бугорок – это смерть. Пусть прячутся, пусть взрываются сами и поливают осколками тех, кто идет рядом.

– Разожгите в землянках огонь, – отдал Зелимхан последний приказ.

– Зачем? – не понял начальник штаба. – Так мы себя полностью обнаружим.

– Нас и без того обнаружили. А дым будет показывать, что мы безмятежно отдыхаем и не ждем гостей. Пусть они обнаглеют. Им эта наглость дорого обойдется.

Кадыр опытный воин, и гордится тем, что провел много эффектных операций почти самостоятельно. То есть разрабатывал, просчитывал, готовил и претворял в жизнь после того, как Зелимхан одобрял задуманное. Правда, слава все равно доставалась Зелимхану, который при каждом успехе стремится заявить, что это именно он организовал и провел что-то такое, что другим оказалось не по силам. И словно забывает, что без того же Кадыра или без начальника штаба ничего бы не значил. Впрочем, отсутствием славы Кадыр не тяготится. Он-то чело-

век, к которому стекаются все сведения из республики и даже из России. Только необходимую часть которых он докладывает Зелимхану, но не докладывает всего. А это «все» создает не всегда ту картину, что эмиру видится. Пусть и висит портрет Кадыра перед каждым отделением милиции, пусть и любуются этим портретом омоновцы на каждом блокпосту, но все обвинения в адрес начальника разведки сводятся к тому, что он входит в ближайшее окружение Зелимхана. И ничего нет против него лично. Это потому, что Кадыр умеет заботиться о своем завтрашнем дне ничуть не меньше, чем умеет это делать младший брат эмира, неулыбчивый Алимхан. Только Зелимхан не в состоянии сообразить, насколько информированную должность занимает его помощник. Даже при сегодняшнем прямом намеке, когда Кадыр привел разведчика к эмиру только потому, что тот упомянул человека, изменившего внешность, который или прибыл в Грозный или прибывает туда, Зелимхан, при всей своей подозрительности, не прочитал ситуацию. А ведь ни он, ни Алимхан не советовались с Кадыром и не ставили его в известность о задуманном деле. Беда эмира в том, что он в своем величии считает унижительным для себя задавать щекотливые вопросы. Так Кадыру кажется. И правильно, лучше не задавать. Заботишься о завтрашнем дне – это хорошо. Кадыр по-своему заботится о своем. Во внутреннем кармане камуфлированного бушлата, завернутые в тряпицу, пришитую к стенке кармана, лежат три свернутых листка бумаги. Это гарантия завтрашнего спокойствия и благополучия. Все осведомители и помощники Зелимхана в органах власти – они здесь, в списке. И каждый за свое спокойствие заплатит Кадыру кругленькую сумму, когда придет пора расчетов. Кадыр никогда с этой бумагой не расстанется. Как и с другой. В другом кармане лежит еще одна. Тоже список. Но это люди должностями поменьше. Они только промежуточные звенья. Это на случай попадания в руки федералов. Более того, сейчас, чувствуя, что братья уже готовятся уйти из Чечни насовсем, Кадыр подумывает, как передать федералам эту бумагу раньше. Чтобы стать для них своим человеком в окружении эмира.

Это тоже забота о своем завтрашнем дне. И эта забота ничуть не менее честная, чем забота о себе братьев Кашаевых. Так Кадыру видится.

Кадыр посмотрел на часы. Нижний джамаат должен быть на подходе. Пора и верхнему, уже занявшему позицию, выступать.

Кадыр встал, поправил амуницию, проверил оружие, чтобы не звенело. Видя это, встали и остальные, повторили действия начальника разведки.

А тот молча показал рукой направление.

Вперед...

В это время где-то в лесу протяжно и жутко завыл волк. Волки воют только от одиночества и от голода, но никогда не воют, когда выходят на охоту.

Боевики вышли на охоту тоже без воя.

2

Обогнув скалу, покрытую, как шапкой, криво свисающим сугробом, Сохно снова вошел в зону устойчивой связи «подснежника», и сразу объявил о себе.

– Бандит... Ну, наконец-то... Ты куда пропал? – наушник донес облегченный вздох Кордебалета, едва Сохно объявился в эфире. – Мы уж думали, ты что-то не поделил со своим полковником. С ним, надеюсь, все в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.